



# Содержание

8	От редактора
10	Список сокращений
13	<i>Майя Лавринович. Жизнь между службой и поместьем: покровительство, дружба и амбиции в частной переписке 1780-х годов</i>
17	«...помнится, бригадир»: реконструкция биографии А.С. Дьяконова
52	А.Р. Воронцов: эпизоды биографии
83	От ложи до суда: как познакомились Воронцов и Дьяконов
101	«Нового у нас ничего нет»: режимы переписки
114	«Вас искренно люблю...»: дружба неравная и чувствительная в конце XVIII в.
137	«Деревенская жизнь zaczynaет казаться постылою...»: апология горацянства и полемика с ним в эпистолярии Воронцова и Дьяконова
152	Последние годы Дьяконова: «аглинские мысли» и прожектерство
171	ПИСЬМА
172	1783
172	№ 1. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 10 февраля
176	№ 2. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 4 ноября
183	1784
183	№ 3. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 22 сентября
186	1785
186	№ 4. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 3 января
188	№ 5. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 16 июля
193	№ 6. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 25 августа

- 195 № 7. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 5 октября  
199 № 8. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 9 октября  
202 № 9. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 21 октября
- 203 1786
- 203 № 10. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 27 февраля  
206 № 11. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 14 марта  
208 № 12. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 23 марта  
209 № 13. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 14 июня  
211 № 14. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 2 июля  
212 № 15. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 8 июля  
213 № 16. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 28 июля  
214 № 17. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 3 октября  
215 № 18. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 29 октября  
216 № 19. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 2 декабря  
217 № 20. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 7 декабря  
218 № 21. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 12 декабря
- 219 1787
- 219 № 22. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 6 февраля  
221 № 23. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 22 марта  
223 № 24. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 28 апреля  
227 № 25. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 10 мая  
229 № 26. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 26 мая  
231 № 27. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 30 августа  
232 № 28. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 14 сентября  
235 № 29. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 23 сентября  
239 № 30. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 24 сентября  
240 № 31. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 10 октября  
242 № 32. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 5 ноября  
243 А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 6/н
- 244 1788
- 244 № 33. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 30 сентября  
247 № 34. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 18 октября  
254 № 35. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 23 ноября  
257 № 36. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 25 ноября  
260 № 37. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 21 декабря  
264 № 38. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 25 декабря

- 267 1789  
267 № 39. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 20 февраля  
270 № 40. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 29 июня  
272 № 41. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 17 июля  
273 № 42. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 5 августа  
276 № 43. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 13 августа  
277 № 44. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 20 августа  
279 № 45. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 1 сентября  
280 № 46. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 6 сентября  
281 № 47. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 11 сентября

283 **Приложения**

- 284 1. Благоволение императрицы, выданное А.Р. Воронцову  
и А.В. Нарышкину за сенаторскую ревизию (1785 г.)  
284 2. Письмо К.Е. Сутгофа к А.Р. Воронцову (24 апреля 1788 г.)  
285 3. Рапорт А.Р. Воронцова и А.П. Шувалова о заготовке хлеба  
в Санкт-Петербурге и в губерниях Новгородской, Тверской,  
Рижской и Олонецкой (декабрь 1786 г.)  
287 4. Завещание Дьяконова и крепостная запись дарственной  
на его имение (1789 г.)  
292 Аннотированный именной указатель

# От редактора

Публикуемые в данном томе документы представляют собой комплекс переписки между графом А.Р. Воронцовым и бригадиром А.С. Дьяконовым, хранящейся в Российском государственном архиве древних актов (далее — РГАДА), в двух делах описи 3 фонда 1261 (Воронцовы), и охватывающей период с 1783 по 1789 г. Письма Воронцова отложились в деле 68, письма Дьяконова — в деле 541. Переписка отражает повседневные заботы двух корреспондентов, помещика — пусть и не самого типичного — и придворного, вельможи и крупного администратора, позволяя в то же время взглянуть изнутри на внутривластные коллизии той эпохи, «услышать» суждения, размышления и сомнения современников.

Письма публикуются хронологически, в порядке их написания; одно из писем дополнено хранящимися здесь же черновиками. При публикации сохраняются, за исключением оговоренных ниже деталей, особенности орфографии и синтаксиса, присущие каждому из корреспондентов. Шероховатости стиля, пропуски, скачки мысли в написанных наскоро (особенно это относится к Воронцову) письмах передают живую речь и даже вовлекают читателя в эпистолярные диалоги. Следует, однако, учитывать, что публикуемая подборка писем неполна, поскольку многие письма оказались утеряны (прежде всего письма Дьяконова к Воронцову).

Текст документов передается с точным сохранением стилистических и фонетических особенностей документа (т.е. с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими тот же звук). Мягкий и твердый знаки употребляются согласно современным нормам; также восстановлена буква «й», которую Воронцов практически не использовал. Деление текста на слова и предложения проводится в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, проставляются необходимые по смыслу знаки препинания. Приписки, сделанные в документе автором, вносятся в строку и оговариваются в примечаниях, причем авторские знаки сноски снимаются (за исключением одного случая). Текст, вносимый публикатором, в том числе пропущенные в документе

и восстановленные по смыслу слова, обозначается квадратными скобками []. Неразобранные слова отмечаются [нрзб].

Сокращения в общепринятых формулах вежливости и титулатуре не используются. Написанные сокращенно имена и названия в тексте не раскрываются, но поясняются в комментариях.

Прописные и строчные буквы при публикации текста документов употребляются в основном в соответствии с современными правилами орфографии. Исключение составляет слово «Город», используемое корреспондентами как обозначение Санкт-Петербурга. Явные описки (двукратное написание отдельных букв, слогов, слов, перестановка букв) устраняются в тексте и не оговариваются.

В письмах, в особенности у Дьяконова, встречается авторская редактура — зачеркивания и внесение поправок над строкой. Зачеркивания отдельных слов в публикации сохраняются, за исключением редких случаев, когда их не удалось разобрать, а поправки выделяются курсивом и вносятся в строку. Авторские подчеркивания, обозначающие, как правило, цитату или слова третьих лиц, сохраняются.

В приложениях публикуются некоторые документы, выявленные в ф. 1261 (Воронцовы) РГАДА и непосредственно касающиеся событий и лиц, речь о которых идет в переписке. Из них самый большой интерес представляет завещание Дьяконова.

В аннотированный именной указатель включены лица, упомянутые как в переписке, так и во вступительной статье и комментариях. В аннотации сведения о лицах приводятся в основном применительно к периоду переписки (1780-е годы).

\*\*\*

Составитель выражает искреннюю признательность Т. Костиной, без которой разбор почерка и полноценное прочтение писем А.Р. Воронцова были бы невыполнимой задачей. Неоценимую помощь в работе над изданием оказали Е. Акельев, В. Борисов, С. Калинина, А. Костин, К. Лаппо-Данилевский, С. Польской, А. Феофанов. Вся ответственность за остающиеся в тексте ошибки и неточности, разумеется, лежит на научном редакторе.

*М. Лавринович*

# Список сокращений

- АКВ — Архив князя Воронцова: в 40 кн. / под ред. П.И. Бартенева. М.: Тип. А.И. Мамонтова и др., 1870–1895.
- д.м.п. — души мужского пола.
- КФЖ — Камер-фурьерский церемониальный журнал. Алфавитный указатель, приложения и дополнения к Камер-фурьерскому журналу 1782 года. СПб.: Б.и., 1882; То же 1785 года. СПб.: Б.и., 1885; То же 1786 года. СПб.: Б.и., 1886; То же 1787 года. СПб.: Б.и., 1886.
- НИА СПбИИ РАН — Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Санкт-Петербург).
- НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).
- ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва).
- ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).
- ПСЗ РИ I — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825. СПб.: Тип. II Отделения С.Е.И.В. Канцелярии, 1830.
- РБС — Русский биографический словарь / изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. Т. 1–25. СПб.: Имп. Рус. ист. о-во, 1896–1913.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).
- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва).

- РГИА — Российский государственный исторический архив  
(Санкт-Петербург).
- СБРИО — Сборник Русского исторического общества: в 148 т. СПб.:  
Тип. А. Траншеля и др., 1867–1916.
- СПБВ — Санкт-Петербургские ведомости. СПб.: При Имп. Акад. наук,  
1728–...
- СРП XVIII — Словарь русских писателей XVIII века / отв. ред.  
А.М. Панченко, Н.Д. Кочеткова. Вып. 1. Институт русской  
литературы АН СССР (РАН) (Пушкинский дом). Л.: Наука.  
Ленингр. отд., 1988; Вып. 2–4. СПб.: Наука. С.-Петерб. отд.,  
1999–2020.
- СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред.  
С.Г. Бархударов. Вып. 1–... Институт русского языка АН СССР  
(РАН). М.: Наука, 1975–...
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / гл. ред.  
Ю.С. Сорокин. Вып. 1–6. Институт русского языка  
АН СССР (РАН). Л.: Наука. Ленингр. отд., 1984–1991; Вып. 7–...  
СПб.: Наука. С.-Петерб. отд., 1992–...
- ГРМ — Государственный Русский музей.
- ГТГ — Государственная Третьяковская галерея.
- ЦГИА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга  
(Санкт-Петербург).





Жизнь между  
службой и поместьем:  
покровительство,  
дружба и амбиции  
в частной переписке  
1780-х годов

*Майя Лавринович*

Для социальной и культурной истории XVIII в. документы личного происхождения, или эго-документы, — важный, если не основной, источник, и частная переписка, наряду с дневниками, занимает здесь одно из главных мест. Основная ценность переписки — содержащееся в ней «свидетельство о себе», далеко не всегда тождественное тому, о чем идет речь в самих письмах. Под «свидетельством о себе» понимают факты «внутренней», неформальной, биографии, рефлексии и саморефлексии, транслируемый личный опыт, переживания и чувства. В эго-документах исследователь сталкивается с авторским «я» как одновременно пишущим и постоянно присутствующим в тексте субъектом описания. При этом произошедший в последние десятилетия в гуманитарных науках пересмотр отношений субъекта с текстом позволяет исследователю, работающему с перепиской, увидеть, как в процессе письма создается субъективность<sup>1</sup>. Все это делает переписку, тем более — переписку в России XVIII в., важнейшим источником, позволяющим исследовать социальную самоидентификацию ее авторов и процесс ее складывания, а также социальные связи, менее уловимые в других источниках. Личные письма представляют в ином, нежели официальная и деловая корреспонденция, ракурсе отношения, сформировавшиеся как внутри тех или иных социальных групп, так и между представителями разных слоев общества, а также нормы повседневного поведения, письма и речи. Исследователи даже говорят о «правдивости» частной переписки, помогающей избежать общих штампов и документировать или, напротив, поставить под сомнение сложившиеся в историографии представления о жизни общества<sup>2</sup>.

Публикуемые в данном томе документы — яркий пример переписки, отражающей возникновение в России XVIII в. нового в социальном смысле индивида и нового языка как способа говорить о себе. Переписка эта служит средством поддержания личных отношений между двумя корреспондентами, свидетельствуя при этом о постоянном неподдельном интересе к внутреннему миру, здоровью, успехам и несчастьям друг друга. Последнее тем более примечательно, что корреспонденты — один из влиятельнейших сановников екатерининского царствования граф Александр

<sup>1</sup> Зарецкий Ю.П. Новые подходы к изучению свидетельств о себе в европейских исследованиях последних лет // Автор и биография, письмо и чтение: сб. докладов / сост. Ю.П. Зарецкий, В.П. Лихачев, А.Ю. Зарецкая. М.: НИУ ВШЭ, 2013. С. 26–29.

<sup>2</sup> Новахатко О.В. Частная переписка XVII века (к постановке вопроса) // Paleobureaucratica: сб. ст. к 90-летию Н.Ф. Демидовой / сост., ред. Ю.М. Эскин. М.: Древлехранилище, 2012. С. 246–263, здесь с. 246–247.

Романович Воронцов (1741–1805) и армейский бригадир Алексей Степанович Дьяконов (1734–1789), имя которого едва ли что-то скажет даже историку. Проступающие в переписке близкие и доверительные отношения между этими людьми ломают наши представления о жестком словесном порядке и формальной иерархии в Российской империи XVIII в. Помимо этого, переписка отличается интенсивной рефлексией по поводу межличностных отношений, которую редко встретишь в эго-документах XVIII в. до того, как сентиментализм и его язык полностью завладели умами образованного слоя. К 1780-м годам «языком чувств» уже владел А.Н. Радищев, предлагавший читателю «Дневника одной недели» разделить с ним свой «аффективный опыт»<sup>3</sup>. В десятилетие, следующее за тем, на которое приходится публикуемая переписка, появились «Бедная Лиза» и «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, где герой оказывался в особом поле общих эмоций, связывавших «узами чувствительности» всех, кто только был способен эти эмоции испытывать. В переписке Воронцова и Дьяконова мы видим, как образованная элита «примеряет» на себя эту модель и учится переводить «житейскую фактуру» на «язык эмоциональных реакций»<sup>4</sup>.

Переписка в XVIII в. — обязательная, необходимая часть жизни, способ функционирования в обществе, а письма — также и средство самоидентификации и саморепрезентации<sup>5</sup>. Благодаря распространению письмовников переписка как социальная практика охватывает все новые слои общества, и все больше грамотных людей стремятся овладеть также и умением писать письма — умением, позволявшим повысить социальный статус<sup>6</sup>. Поскольку число разного рода присутственных мест росло с каждым новым этапом реформирования системы управления, росло и число претендентов на должности разного уровня. Соответственно, росли объемы переписки, особенно прошений, обращенных к высокопоставленным чиновникам, а значит, и рекомендательных писем. Показателен

<sup>3</sup> Бодэн Р. «Дневник одной недели» А.Н. Радищева: реальное время русского сентиментализма // XVIII век: сб. 26 / отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб.: Наука, 2011. С. 289.

<sup>4</sup> Зорин А.Л. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М.: НЛО, 2016. С. 105, 150.

<sup>5</sup> Houdt T. van, Papy J. Introduction // Houdt T. van, Papy J. et al. Self-Presentation and Social Identification. The Rhetoric and Pragmatics of Letter Writing in Early Modern Times. Leuven: Leuven Univ. Press, 2002. P. 3.

<sup>6</sup> Dierks K. The Familiar Letter and Social Refinement in America, 1750–1800 // Letter Writing As a Social Practice / D. Barton, N. Hall (eds). Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2000. P. 31–32.

в этом смысле эпистолярный архив Воронцова, объемы которого поражают: этот вельможа «обрабатывал», пусть даже с помощью секретарей, и служебную корреспонденцию, и личную — родственную, дружескую, прошения и просьбы от близких и дальних знакомых, рекомендации для незнакомых. В списке корреспондентов, составленном после его смерти и охватывающем лишь 1780–1800-е годы, значатся почти две сотни имен, но он, конечно, неполон<sup>7</sup>.

В публикуемой переписке мы видим Воронцова в его ипостаси частного человека: обремененного государственной важности делами, но вникающего в повседневные заботы своего корреспондента и пекущегося о собственном комфортном существовании в частной и придворной сферах. Показательно, что у Воронцова не возникало внутренних противоречий между желанием проводить время в уединении в поместье и необходимостью заседать в Совете при высочайшем дворе, ездить с сенаторской ревизией по губерниям или пытаться устроить своего протеже на службу. Такое существование одновременно в двух «сообществах»: космополитическом текстуальном, сформированном литературными образцами (произведениями Геснера, Руссо, Стерна), и ограниченном национально-сословном — уже в следующее десятилетие будет восприниматься как проблематичное<sup>8</sup>.

В новейшей историографии бытует мнение, что дворянская переписка екатерининского царствования отличается сверхкритичностью по отношению к складывавшейся бюрократической системе и отражает кризис традиционных ценностных ориентиров дворянства, эрозию «основ официального и господствующего сознания»<sup>9</sup>. Однако в откровенной и неформальной корреспонденции Дьяконова и Воронцова, действительно зависевших, как и многие их современники, от милости государыни, невозможно найти следов ни кризиса, ни оппозиционности, несмотря на обсуждение в ней лиц, занимавших высшие должности в государстве и в придворной иерархии, происходивших при дворе событий и грядущих или текущих войн. Будучи как политик, вероятно, достаточно циничным, Воронцов к тому же вызывал у современников подозрения в наличии у

<sup>7</sup> РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 3109. Л. 1–9.

<sup>8</sup> Пример напряжения между двумя полюсами демонстрируют письма М.Н. Муравьева 1797 г. к отцу и жене Е.Ф. Муравьевой (см.: Зорин А.Л. Указ. соч. С. 121, 126).

<sup>9</sup> Марасинова Е.Н. Образ императора в сознании элиты российского дворянства последней трети XVIII века (по материалам эпистолярных источников) // Царь и царство в русском общественном сознании / под ред. А.А. Горского и др. М.: Институт российской истории РАН, 1999. С. 170.

него личной заинтересованности в лоббируемых им от имени государства коммерческих предприятиях. Дьяконова, однако, нисколько не забоят предполагаемое корыстолюбие или коррумпированность Воронцова. Более того, он вообще не мыслит этими категориями. В основе его взаимоотношений с придворными лежат концепты милости, преданности и участия в состоянии другого. В письмах Дьяконова действительно можно наблюдать спектр эмоций, который Е.Н. Марасинова описывает как характерные для переписки второй половины XVIII в.: раздражение, негодование, гнев, досада, уныние, острое ощущение неблагополучия, конфликтность с окружающим миром и собственной личностью<sup>10</sup>. Однако их источники — не «недовольство самовластным правлением» или коррумпированным чиновничеством, а невозможность автора встроиться в бюрократическую иерархию в ранге, который соответствовал бы его представлениям о собственных достоинствах, предшествующей военной карьере и уровню его покровителей. По словам А.Л. Зорина, — и это видно в письмах Дьяконова — интериоризация ценностной системы службы делала карьерную неудачу невыносимой для дворянина, лишала его жизнь смысла, а сам чин был и показателем его социальной состоятельности, и гарантией моральных качеств его обладателя<sup>11</sup>.

Если биография А.Р. Воронцова в целом известна, хотя и требует еще полноценного исследования, то жизненный путь Дьяконова при подготовке настоящего издания пришлось реконструировать буквально с нулевой отметки: без воссоздания более или менее целостной картины его жизни было бы невозможно понять и прокомментировать его переписку с Воронцовым. Эта растянувшаяся на годы работа — увлекательная сама по себе — открыла большой пласт социальной реальности и культурных контекстов, объединявших влиятельного сановника, аристократа и придворного с армейским бригадиром, родившимся в далекой провинции.

### «...помнится, бригадир»: реконструкция биографии А.С. Дьяконова

Алексей Степанович Дьяконов, которому было суждено дослужиться к 1775 г. до армейского бригадира, не был дворянином по рождению. О семье его мы ничего не знаем, но когда в апреле 1750 г., в возрасте 16 лет,

<sup>10</sup> Там же.

<sup>11</sup> Зорин А.Л. Указ. соч. С. 120; Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века по материалам переписки. М.: РОССПЭН, 1999. С. 81.

Дьяконов поступал на вакантное место копииста в Петербургскую таможню, в документах Печатной конторы он был записан подьяческим сыном<sup>12</sup>. Менее чем через десять дней, впрочем, он написал челобитную об определении его в той же таможне досмотрщиком и действительно получил это место по указу Коммерц-коллегии в июле 1750 г. — и в этой записи он именовался «купцом»<sup>13</sup>. Что автор этих прошений и интересующий нас корреспондент Воронцова — один и тот же человек, подтверждается тем, что Петербургская таможня была местом, хорошо знакомым Дьяконову: об этом он упоминал в одном из писем к Воронцову в 1788 г. (письмо № 37)<sup>14</sup>.

Еще одна деталь ранней биографии Дьяконова, которая мелькает в его переписке с Воронцовым, — место его рождения. В письме от 27 февраля 1786 г. сановник, объезжавший губернии с сенатской ревизией, сообщил Дьяконову с дороги: «В отчизне вашей я время проводил изрядно, и Вологдою доволен...» (письмо № 10)<sup>15</sup>. И именно Вологда указана в документах как место рождения Алексея Дьяконова — копииста в чине сержанта, служившего с декабря 1752 г. в канцелярии Лейб-компани, привилегированной роты личных гвардейцев императрицы Елизаветы Петровны. Поскольку, как указано в списке роты, этот Дьяконов поступил туда из копиистов Камер-коллегии, в введении которой находились и таможни, можно быть уверенными, что речь идет об одном и том же человеке<sup>16</sup>.

<sup>12</sup> РГАДА. Ф. 265. Оп. 1. Кн. 124. Л. 61. Нельзя исключать, что он просто назвался этой фамилией, связанной с родом деятельности его семьи.

<sup>13</sup> Там же. Л. 470 об. — 471. «Купечеством» после введения подушной подати и до реформы налогообложения городского населения в 1775 г. называлось все «регулярное» городское население. Согласно «Регламенту Главному магистрату», оно делилось на две гильдии: первостатейных и мелких торговцев, а остальные, «обретающиеся в наймах и черных работах», причислялись к «подлым людям» (см.: ПСЗ РИ I. № 3708. Гл. VII (О разделении гражданства)). В 1730–1740-е годы штат портовых таможен, за исключением высших должностей обер-инспекторов и директоров, комплектовался из лиц недворянского происхождения: выходцев из купечества, подьяческих детей (канцеляристов), дворцовых служителей, отставных солдат и других разночинцев. Досмотрщики обязаны были до отплытия корабля «бессходно» находиться на нем для наблюдения, «чтоб без пошлин товары с кораблей не свозили» (см.: Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е — нач. 60-х годов). М.: Археографический центр, 1999. С. 71).

<sup>14</sup> РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 23 об.

<sup>15</sup> Там же. Д. 68. Л. 13 об. (Курсив в цитате мой. — М. Л.).

<sup>16</sup> Именной список Ее Императорского Величества лейб-компани чинам 1741–1759 годов // Русский архив. 1880. № 5. С. 134. Дьяконов был среди тех, кто находился с императрицей в Лефортовском дворце во время случившегося там

Итак, юный Алексей Дьяконов проделал в 1750 г. или чуть ранее путь из Вологды до Петербурга, оставив позади привычную социальную среду и образ жизни, возможно, и родителей — ради чего? Похоже, не ради того, чтобы стать мелким канцеляристом, пусть даже в Лейб-компани. Стоит напомнить, что начиная с 1745 г. во главе канцелярии этого элитного подразделения стоял драматург и поэт Александр Петрович Сумароков — протеже фаворита императрицы и командира лейб-гвардейцев Алексея Григорьевича Разумовского<sup>17</sup>. И именно с Сумароковым оказывается связано карьерное продвижение нашего героя в 1750-х годах. Когда Сумароков именным указом Елизаветы Петровны от 30 августа 1756 г. был назначен директором учреждаемого русского «для представления трагедии и комедии» театра, служивший на протяжении нескольких предшествующих лет под его началом Алексей Дьяконов получил тем же указом должность надзирателя над предоставленным театру Головкинским домом и пожалован чином армейского подпоручика с жалованьем в 250 рублей в год<sup>18</sup>.

Театр под началом Сумарокова известен, среди прочего, тем, что именно там выступал со своей труппой, привезенной им из Ярославля, Федор Григорьевич Волков. В «Кратком известии о театральных в России представлениях» Я.Я. Штелина мы находим упоминание, проливающее, возможно, дополнительный свет на биографию нашего героя. Как пишет Штелин, в 1750 г. к «обществу» Федора Волкова в Ярославле «пристали Бухарин, Дьяконов, Скочков и многие другие разнаго состояния люди»<sup>19</sup>.

21 января 1754 г. пожара, см.: Ассигнация, кто именно из чинов Ее Императорского величества лейб-компани поставлены в казенном Лефортовском дворце и под какими номерами [Публ. В.И. Егорова] // Вестник архивиста. 2008. № 1 (101). С. 253; в пожаре он лишился «портупей с позументом» (Егоров В.И. Гренадеры Лейб-компани императрицы Елизаветы Петровны — постояльцы Лефортовского дворца. 1740–1750 гг. // Там же. С. 256).

<sup>17</sup> Степанов В.П. Александр Петрович Сумароков // СРП XVIII. Вып. 3: Р-Я. СПб.: Наука, 2010. С. 185.

<sup>18</sup> ПСЗ РИ I. Т. 14. № 10599 (здесь опечатка: Головинский вместо Головкинский); копия: РГАДА. Ф. 248. Оп. 41. Д. 3021. Л. 9–9 об. Дом, принадлежавший вице-канцлеру М.Г. Головкину (1699–1754) и построенный в 1720-х годах, был взят в казну после ссылки его хозяина, последовавшей за воцарением Елизаветы Петровны. Он находился на месте юго-восточной части нынешней Академии художеств на Васильевском острове («близ кадетского дому»).

<sup>19</sup> Штелин [Штелин] Я.Я. Краткое известие о театральных в России представлениях, от начала их до 1768 года, сочиненное на немецком языке его превосходительством, действительным статским советником Я.Я. Стелином // Санктпетербургский вестник. 1779. № 8. С. 83–95, здесь с. 92. (Курсив в цитате мой. — М. Л.). Ярославцы были вызваны в Петербург в начале 1752 г. по



Идет ли здесь речь именно об Алексее Степановиче Дьяконове, неизвестно: дело в том, что прозвище «Дьяконов» (по роду деятельности своего отца) носил и входивший в труппу Волкова известный русский актер Иван Афанасьевич Дмитревский. С одной стороны, Штелин не мог об этом не знать; с другой — к 1770-м годам, когда он писал свое «Краткое известие», так Дмитревского уже давно никто не именовал. Если допустить, что речь тут идет все же не о Дмитревском, а о нашем герое Алексее Степановиче, то становится понятнее, почему именно безвестный копиист Дьяконов был предложен на должность надзирателя Головкинского дома. Вполне может быть, что, двигаясь из Вологды в сторону столиц, Дьяконов оказался в Ярославле, где и пристал к труппе Волкова — случайно или намеренно. Служба в Петербургской таможне, куда он определился в том же 1750 г., могла, таким образом, быть для молодого человека лишь вынужденным шагом, способом зацепиться в Петербурге. Возможно, уже тогда он поставил себе целью увидеть театр, а может, и самого Сумарокова, к тому моменту составившего себе репутацию как автор «Хорева» (1747). Узнать о нем Дьяконов мог опять-таки в Ярославле от Волкова, который в 1748 г. вернулся в город из Петербурга и набрал свою первую труппу<sup>20</sup>.

Переписка Дьяконова с Воронцовым также подтверждает, что не карьера на таможне, а именно возможность служить под началом Сумарокова — хотя бы и копиистом в канцелярии — привлекала нашего героя: он именует драматурга не иначе как своим «покойным благодетелем» (письмо № 2)<sup>21</sup>. Вероятнее всего, что как раз Сумароков и предложил Дьяконова на должность надзирателя над театральным домом,

требованию императрицы. Перечисляя актеров, отправлявшихся с ним в Петербург, сам Волков Дьяконова не упоминает, но это естественно, поскольку Алексей Степанович (если это был он) оставил Ярославль еще в 1750 г. и к 1752 г. был уже в Петербурге. Что характерно, актеры ярославского театра, подобно Дьяконову, происходили из городской среды — канцеляристов и церковников: канцеляристами были Иван Иконников и Яков Попов, пищиком — Семен Ку克林, сыном дьякона — Иван Дмитревский (наст. фамилия Нарыков или Дьяконов), из посадских происходил Семен Счочков и т.д. (*Север Н.М.* Летопись Театра имени Ф.Г. Волкова. Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1973. С. 23.). В публикации «Мемуары о театре в России», в которой аккмулированы и заново переведены на русский язык несколько сохранившихся в архивах рукописей Штелина, фрагмент о театре, устроенном Ф. Волковым в Ярославле, отсутствует, и Дьяконов не упоминается (см.: *Малиновский К.В.* Материалы Якова Штелина. СПб.: Крига, 2014. С. 121–173, особ. с. 141–143 (§ 11)).

<sup>20</sup> *Север Н.М.* Указ. соч. С. 11.

<sup>21</sup> РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 3.

поскольку тот к этому времени уже несколько лет не только служил под его началом, но и выполнял некоторые личные поручения, в том числе связанные с литературной деятельностью. Из записи в журнале выдачи книг библиотеки Академии наук, например, видно, что в 1755 г. копиист сержант Алексей Дьяконов взял для Сумарокова шесть томов греческих драм и два тома Пиндара, все на французском языке<sup>22</sup>. К середине 1750-х годов, таким образом, из доступных нам разрозненных свидетельств начинается вырисовываться портрет довольно амбициозного молодого простолюдина-провинциала, не просто стремящегося в столицу, но полного надежд стать причастным к театральному искусству.

\*\*\*

Именно в этот период должно происходить формирование и культурного облика Дьяконова, и его социального этоса. Примечательна в этом смысле присущая ему специфическая орфография, бросающаяся в глаза в публикуемых письмах. Прежде всего, характерно написание Дьяконовым *а* вместо *о* в безударных словоформах (*патом, гатов, ани, каторья, хазяйство, спакойный*), что не только не соответствовало норме, но и шло вразрез с региональным произношением, которого от него можно было бы ожидать: родом с русского севера, Дьяконов должен был окать, т.е. произносить отчетливое *о* в словоформах с безударным *о*. Такое произношение, как и написание, Антиох Кантемир в 1740-е годы определял как «правильное», или «народное». Благородные же «*и те, кто им подражает*, часто меняют *о* на *а* как в начале, так и в середине слов, откуда происходит два типа произношения, отличающие благородных людей от народа. Одни [благородные] говорят агурец, акошко, пападья, башмак, а другие [простолюдины] огурец, окошко, попадаья, бошмак», — отмечал Кантемир. Таким образом, аканье Кантемира выделял как социальный диалект, присущий *gentilhommes*<sup>23</sup>. С другой стороны, уже в середине

<sup>22</sup> Левитт М. Сумароков — читатель Петербургской библиотеки Академии наук // XVIII век: сб. 19 / отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб.: Наука, 1995. С. 56. В делах Сената по Военной коллегии (РГАДА. Ф. 248. Оп. 41. Д. 3021) все копиисты Лейб-компании именуется сержантами, несмотря на то что Дьяконов, например, на тот момент и не имел военного чина.

<sup>23</sup> Лингвист Е.Э. Бабаева подчеркивает, что это уникальное свидетельство, позволяющее характеризовать аканье именно как социальный диалект (см.: Бабаева Е.Э. Русско-французский словарь Антиоха Кантемира: описание, лексикографические источники // Кантемир А.Д. Русско-французский словарь Антиоха Кантемира: в 2 т. / вступ. ст. и публ. Е.Э. Бабаевой. М.: Азбуковник, Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. С. XLVI (Курсив в цитате мой. — М. Л.)).

XVIII в. аканье, приписывавшееся некнижному, неписьменному языку, стало отличительной чертой «московской нормы» произношения, распространившейся и в Петербурге. Это заметил историк Август Людвиг Шлёцер в своей «Русской грамматике» в главе «О гласных»: «О, если оно кратко и нет на нем ударения, в московском наречии, которое также господствует в Петербурге, произносится как *a*, напр. подобен, *padoben*; хорошо, *charascho*; говори, *gawari*»<sup>24</sup>.

Выбор Дьяконовым определенной орфографии, таким образом, случаен и приобретает особое значение в контексте культурной ситуации, сложившейся вокруг Сумарокова, бывшего в 1750-е годы шефом Дьяконова. Программа Сумарокова, опиравшаяся на норму современной ему западноевропейской культуры и нацеленная на молодых дворян, прежде всего — кадет Сухопутного шляхетного корпуса, подразумевала, что правильно говорить было не менее важно, чем правильно писать. К тому моменту, когда Дьяконов поступил на службу копиистом под начало Сумарокова, тот был уже не просто успешным драматургом («Хорев» и «Гамлет» появились в 1747 и 1748 гг. соответственно), но и претендовал на роль наставника благородной молодежи в том, что касалось культуры и литературного стиля<sup>25</sup>. Строго говоря, в силу своего происхождения

<sup>24</sup> Шлецер А.Л. Русская грамматика // Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. Т. 13. СПб., 1875. С. 431 (§ 21); ориг.: *Schlözer A.:L. Rußische Sprachlehre. Bde. 1-2. St. Petersburg, 1763-1764*. В этот период (середина XVIII в.) указания на особую красоту и правильность московского говора довольно часты у Сумарокова, Третьяковского, Ломоносова и др. По словам В.М. Живова, это отражение пуристического тезиса о превосходстве столичного диалекта, характерное для языковой программы классицизма (см.: *Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 302*). О превращении московской фонетической нормы в социальную свидетельствует и то, что в 1780-е годы она внедряется на театральной сцене: крестьян из малороссийских сел Шереметевых, взятых в усадебный театр в Кускове, заставляли переучивать их партии, переписывая роли для всех окружающих с заменой безударной *o* буквой *a* (см.: *Станюкович В. Домашний крепостной театр Шереметевых XVIII века. Л.: Государственный Русский музей, 1927. С. 63*). Это уравнивало социально героев пьес и опер, которые представляли актеры, с их благородными зрителями.

<sup>25</sup> *Осват К.А. Придворная словесность: институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М.: НЛО, 2020. С. 65-66, 72*; «Почти нет большого несовершенства в знатном человеке, как не уметь хорошо изъяснять свои мысли на словах или на письме. [...] Французской или Российской дворянин должен стараться уметь писать чисто и исправно по Французски или по Русски», — утверждалось в русском переводе педагогического трактата Локка, опубликованном в 1759 г. под названием «О воспитании детей» (Там же. С. 72).

Дьяконов не был адресатом сумароковских наставлений. Однако тот же Сумароков в сатире «О благородстве» (а до него — Кантемир во II сатире «На зависть и гордость дворян злонравных») увязывал истинное благородство не столько с чистотой родословной, сколько с личными заслугами:

А во дворянстве всяк, с каким бы ни был чином,  
Не в титуле — в действии быть должен дворянином.

<...>

А если ни к какой я должности не годеи, —  
Мой предок дворянин, а я не благороден<sup>26</sup>.

В основе этого нового понимания благородства лежали тексты Горация, вошедшие в сложившийся как раз в середине XVIII в. в русской придворной среде литературный канон<sup>27</sup>. Гораций, писал его переводчик И.С. Барков в жизнеописании поэта,

доказывает, что прямое благородство состоит не в знатности и древности предков и не в великом достоинстве, но единственно в добродетели, которой знатные Римские вельможи для безмерной роскоши весьма мало последовали<sup>28</sup>.

В сумароковской культурной программе, кодифицированной в «Двух эпистолах», умение понимать и производить литературные тексты было неотъемлемой чертой человека образованного и благородного. Дьяконов, не имевший «по породе ни с кем из патрициев ни малейшая связи» (письмо № 1)<sup>29</sup>, мог надеяться, что приобретение требуемых

<sup>26</sup> Цит. по: Сумароков А.П. О благородстве // Сумароков А.П. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 189–191. Ср. у Кантемира в его «Предисловии» ко «Второй сатире»: «...гнусно дворянину завидовать благополучию подлейших себе, коли они чрез добрые свои дела в честь и славу происходят»; и в его же «Примечаниях» о намерении «Второй сатиры»: «...обличить тех дворян, которые, лишены будучи всякого благонравия, одним благородием хвастают, и к тому завидят всякому благополучию в людях, кои чрез свои труды из подлости в знатную степень происходят» (цит. по: Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956. С. 77, 368).

<sup>27</sup> Ospovat K. Mikhail Lomonosov Writes to his Patron. Professional Ethos, Literary Rhetoric and Social Ambition // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N.F. 2011. Bd. 59. No. 2. S. 242.

<sup>28</sup> Барков И.С. Житие Квинта Горация Флакка // [Квинт Гораций Флакк] Квинта Горация Флакка сатиры или Беседы с примечаниями, с латинского языка предложены российскими стихами Академии наук переводчиком Иваном Барковым. СПб.: При Императорской Академии наук, 1763. Б.п. [с. 4]; Осповат К.А. Указ. соч. С. 73.

<sup>29</sup> РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 1.

добродетелей и культурного багажа даст и ему право претендовать на благородство по духу, а впоследствии из «человека безродного» стать благородным и в формально-юридическом смысле, обретя соответствующий социальный статус.

Поддерживая московское аканье как норму произношения, Сумароков выступал тем не менее против ее отражения в орфографии. Так, в очерке «О правописании» он нападал на Ломоносова за аканье на письме, но подчеркивал, что тот был обманут московским произношением и перенес его в правописание и как «провинциальный уроженец», и как простолюдин:

Г. Ломоносов родом не Москвитянин; так ево произношение Московское часто обманывало: и претворял он ради того <...> *литеру О в литеру А; ибо везде где над литерою О нет силы, то есть ударения, претворяется она во произношении, между О и А, Вода, воды: гора, горы, и протч: <...> а многия не размышляя, таковыя ево ошибки приняли украшением пиитическим, и употребляют оныя к безобразию нашего языка, что г. Ломоносову яко провинциальному уроженцу простительно, как рожденному еще и не в городе, и от поселян; но протчим, которыя рождены не во провинциях и не от поселян, сие извинено быть не может*<sup>30</sup>.

Однако Дьяконов, как мы видели, пренебрегает установками своего «благодетеля» — запретом на письменное аканье. Как кажется, показать себя на письме частью благородного общества Дьяконову было настолько важно, что ради этого можно было пренебречь и связью этого диалекта с Москвой, где он никогда не жил, и даже мнением Сумарокова, который иронизировал над «акающим правописанием», высмеивая его как «дамское», а позднее и вовсе отнес его к диалекту, заявив, что «прекрасное произношение московское» употребляют «почти одни только приближенные к Москве крестьяня»<sup>31</sup>. Можно предположить, что Дьяконов имитировал аканье в письменной и прежде всего в устной речи как престижное произношение, характерное для складывавшегося в 1750-е годы вокруг канцелярии Лейб-компании культурного кружка, принадлежать к которому он так стремился<sup>32</sup>.

<sup>30</sup> Сумароков А.П. О правописании // Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе... Александра Петровича Сумарокова. Изд. 2-е. М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1787. Ч. X. С. 7 (Курсив в цитате мой. — М. Л.).

<sup>31</sup> Бобрин М.А., Зорин А.Л. К истории московского самосознания (статья «О московском наречии» и ее автор) // Ново-Басманная, 19: сб. ст. М.: Художественная литература, 1990. С. 25, 29 (Курсив в цитате мой. — М. Л.).

<sup>32</sup> Отмечу, что в свидетельстве о свободном состоянии Ореста Кипренского, написанном в 1788 г. при отдаче мальчика в Академию художеств (в объявлении

Пикантность ситуации состоит в том, что Сумароков, «благодетель» Дьяконова, помогавший его карьерному продвижению и оказывавший, видимо, большое влияние на его культурное развитие, сам питал при этом искреннюю ненависть к подьячим и в целом служителям канцелярий как профессиональной группе<sup>33</sup>. Именно на годы службы Дьяконова при Сумарокове — 1750-е — приходится пик нападок поэта и драматурга на подьяческий язык и подьячих как социальную прослойку, «которых едино имя возмущает весь мой дух»<sup>34</sup>. В поэтических сочинениях он не скрывал своего раздражения:

Я правду доношу, хоть верь, хоть нет:  
Что Хамово то племя,  
И что крапивно семя,  
И что не возлетят их души к небесам,  
И что наперсники подьячия бесам,  
Я все то знаю сам<sup>35</sup>.

В прозаическом этюде «О почтении Автора к приказному роду» он злобно называет приказных служителей «высокомудрыми писателями», у которых удобно научиться «риторствовать»<sup>36</sup>.

По мнению К.А. Осповата, за сатирическим осмеянием подьячих у Сумарокова стояло стремление к идеалу «незамутненного сообщения» между верховной властью и подданными, которое должно было покоиться на фундаменте прозрачного делопроизводства, базирующегося на ясном и понятном языке. Поэтому Сумарокову было важно реформировать язык не только изящной словесности, но и других жанровых форм: личного письма и сферы «гражданской услуги»<sup>37</sup>. Для Сумарокова подьячий —

по ошибке — «Академию наук»), Дьяконов использует в орфографии литературную норму, строго выводя «о» в безударных позициях (см.: РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Д. 1036а. Л. 1 об.). См. подробнее об этом ниже (сн. 114). Таким образом, он владел в действительности несколькими орфографическими регистрами (см.: Алексеев А.А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. С. 174).

<sup>33</sup> Характерно название его сочинения: «К подьячему, писцу или писарю, то есть к таковому человеку, которой пишет, не зная того, что он пишет» (цит. по: Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе... Ч. IX. С. 275).

<sup>34</sup> Сумароков А.П. О копиистах // Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе... Ч. VI. С. 371.

<sup>35</sup> Сумароков А.П. Две дочери подьячих // Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе... Ч. VII. С. 287–288.

<sup>36</sup> Сумароков А.П. О почтении Автора к приказному роду // Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе... Ч. X. С. 137–140.

<sup>37</sup> Осповат К.А. Указ. соч. С. 76, 79.

тот, кто не обладает должным уровнем знания языка и ненадлежащим образом исполняет служебные обязанности: «Подьячий то[т], кто писати правильно не умеет и берет за плутни Акциденцию [взятки]», — утверждал Сумароков в 1759 г. в статье «О копиистах», противопоставляя копиистов подьячим. Подьячество здесь предстает как неизжитый атавизм темной, непросвещенной «старины», как необразованные регистраторы и секретари, которые «Подьячие потому только, что они пишут <...> так и я Подьячий; ибо и я пишу». Другое дело — обучавшиеся у него самого копиисты, поскольку они уже представители нового петровского государства, переписчики его сочинений:

а в России мало еще людей, которые по правописанию копировать могут, и ежели и сие ободрение [право носить шпагу] отнять у обучаемых от меня людей; так ни когда путнова Кописта я не увижу; ибо всякой писец лутче захочет быти безграмотным Регистратором и грабить, нежели обучаться правописанию и таскаться без шпаги<sup>38</sup>.

Очевидно, что для обладавшего прекрасным почерком копииста Дьяконова было важно «изжить» свое «подьячество» и показать себя образцовым копиистом, достойным как права переписывать сочинения самого Сумарокова, так и права носить шпагу. Судя по его успешно развивавшейся карьере, все это Дьяконову, очевидно, удалось.

В его письмах к Воронцову можно заметить, что Дьяконов хотя и рефлексирует по поводу своего (низкого) происхождения, но прямо это происхождение нигде не проговаривает и с подьячими себя нигде не связывает. Так, он напоминает Воронцову о том, что не имеет «по породе ни с кем из патрициев ни малейшая связи», что он «человек безродный» и «пробивается собою» (письма № 1 и 2)<sup>39</sup>, а 23 ноября 1788 г. как бы к слову цитирует фрагмент из притчи Сумарокова «Заяц» — переложения басни Жана де Лафонтена «Les oreilles du Lievre» (1668), герой которой — подьячий:

Подьячей лют,  
Подьячей плут,  
Подьяческая души,  
Лехко пожалуют в рога большия уши;  
А ежели судьи и суд меня оправят,  
То справки выписки адни тогда задавят<sup>40</sup>.

<sup>38</sup> Сумароков А.П. О копиистах // Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе... Ч. VI. С. 374.

<sup>39</sup> РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 1, 3 об.

<sup>40</sup> Там же. Л. 19.

Эту цитату в его памяти вызвала оборотистость местных почтовых комиссаров, которые сумели повернуть в свою пользу повышение платы с лошади за версту пути, объявленное в связи с начавшейся войной со Швецией в двух «прифронтовых» губерниях: Санкт-Петербургской и Выборгской. Очевидным образом, авторы указа имели в виду сообщение между столицей и действующей армией, однако почтовые служащие, опираясь на него, повышали расценки на провоз курьеров и воинских команд между Нарвой и границей Ревельского уезда<sup>41</sup>:

... он [указ] так ясен и чист, <...> в нем точно сказано: платить прогоны по четыре копейки на лошадь за версту едущим от С: Петербурга в Финляндию. Но здешния почтовые комиссары искривили прямизну указа, давши толк полезной <...> Алчной корысти, и емлют по всей сдешней дороге до самага Ревельскаго уезда, то есть пять верст за Нарву по четыре же копейки на лошадь за версту (письмо № 35)<sup>42</sup>.

Эта, в сущности, незначительная махинация — речь шла всего о пяти лишних верстах — приносила им по 10 копеек дополнительного дохода с лошади. Такого рода «искривления» были для Дьяконова, как и для Сумарокова, проявлениями специфического «подъяческого» мышления, способного превращать заячьи уши в рога. Обличая и высмеивая чиновников-«подъячих», Дьяконов умело отстранялся от них как от социальной группы.

\*\*\*

Именно причисление к сумароковскому театру оказывается переломным моментом в карьере Дьяконова, кардинально изменившим его социальный статус. Как уже упоминалось выше, Сумароков, желая «возвысить их [актеров] звание и поселить в них чувство благородной гордости», испросил для них у государыни, благоволившей ему и покровительствовавшей талантливым актерам, право носить шпаги, как дворянам. Впоследствии недоброжелатели обвиняли Сумарокова в том, что он будто бы дал возможность пользоваться этим правом не только артистам, но и многим *копиистам*<sup>43</sup>. Двадцатидвухлетний копиист

<sup>41</sup> ПСЗ РИ I. Т. 22. № 16683 (3 июля 1788 г.). По указу 1783 г. плата, за некоторыми исключениями, составляла 2 коп. за версту с лошади (ПСЗ РИ I. Т. 21. № 15703). См. подробнее коммент. к письму № 35.

<sup>42</sup> РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 18–18 об.

<sup>43</sup> О конфликте с придворной конторой и ее главой К.Е. Сиверсом, запретившим копиистам в театре носить шпаги, Сумароков упоминает в сатирической статье «О копиистах». Клоп, живущий в телогрее некоего высокопревосходительства (Сиверса), доносит: «...а ныне мною усмотрено, что обретающиеся при



Дьяконов и в самом деле начал с этого времени носить шпагу — но не столько благодаря потворству Сумарокова, сколько по праву, как армейский подпоручик. Этот чин (13-й по «Табели о рангах»), полученный Дьяконовым по тому же именному указу от 30 августа 1756 г., наделял его обладателя и потомственным дворянством, и правом приобретать населенные имения, которым Дьяконов, правда, воспользуется лишь двумя десятками лет позже.

Заниматься театральными делами под началом Сумарокова, однако, Дьяконову было суждено недолго: в Европе начиналась большая — Семилетняя — война. Прежде не имевший никакого отношения к военной службе, в 1758 г. Дьяконов был направлен в действующую армию. В чине подпоручика он начал службу адъютантом в составе Кексгольмского пехотного полка, воевавшего в составе 3-й дивизии<sup>44</sup>. С начала 1758 г. полк прошел территорию современной Литвы и через Ковно (Каунас) вышел к Торну (совр. Торунь), откуда двинулся к Познани, а затем к Кюстрину (совр. Костшину), атакованному и успешно взятому русскими войсками 8 августа 1758 г. Участие в «отаке на Кистрин» записано в полковой сказке Дьяконова, как и ранение в проигранном вскоре сражении при Цорндорфе: «...на баталии августа 14 <...> ранен в левое плечо кантузиею»<sup>45</sup>. Не участвуя, видимо, из-за последствий ранения в сражениях 1759 г., он получил должность полкового квартирмейстера и только через год, уже в чине поручика, принял участие в боевых действиях: в стычке у местечка Гунствилде (Гунсфельде) недалеко от Бреславля (совр. Вроцлав), а затем и во взятии Берлина в сентябре 1760 г. в составе корпуса

вышеобъявленном Теятре Копеисты шпаги носят, от чево протчим Приказным служителям не без обиды; <...> и дабы от Вашего Высокопревосходительства воспоследовала резелюция, чтоб у вышеупомянутых Копеистов шпаги отобрать, невзирая на то, что главному рода нашего неприятелю С\*\*\* [Сумарокову] смертно досадно будет» (цит. по: Сумароков А.П. О копистах // Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе... Ч. VI. С. 373. Впервые: Трудлюбивая пчела. 1759. № 12. С. 760).

<sup>44</sup> Кексгольмского пехотного полку именная список о старшинстве и достоинстве поручиков. Учinen 2 апреля 1762 года // Адамович Б.В. Сборник военно-исторических материалов лейб-гвардии Кексгольмского императора австрийского полка. Т. 3. Ч. 5–6. СПб.: Военная типогр., 1910. С. 92 (указан как Диканов); «Известно и ведомо да будет каждому...». Книга записи патентов, выданных Военной коллегией в 1723–1796 гг. / сост., вступ. ст. К.В. Татарникова. М.: Старая Басманная, 2020. Т. 1: 1723–1778. С. 543.

<sup>45</sup> РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 205. Л. 337; Мередиц В.Ф. 165 лет Кексгольмского гренадерского императорского Австрийского полка 1710–1875. Варшава: Б.и., 1876. С. 25 (указан как Дьяков). Под контузией в XVIII в. понимали сильный ушиб. О Кексгольмском полку в кампании 1758 г. см.: Там же. С. 20–25.

генерал-поручика З.Г. Чернышева, хотя неизвестно, принимал ли он участие непосредственно в боях. В 1761 г. Дьяконов участвовал в походах в Силезию до Швейдница (совр. Свидница). После этого полк вернулся в Померанию, чтобы под общим командованием генерал-поручика П.А. Румянцева предпринять новую попытку взять крепость Кольберг (совр. Колобжег) — на этот раз успешную: «А по возвращении армии в Померании и во особливом деташаменте к городу Колберху при отоке [атаке] и взятые онаго находился»<sup>46</sup>. В 1762 г. Дьяконов получает капитанский чин и переходит в другой полк — Казанский пехотный<sup>47</sup>. После войны он находился у производства следственных дел в Воронеже по крайней мере до 1764 г.<sup>48</sup>, когда получил чин премьер-майора и должность кригс-цалмейстера в Кригс-комиссариате<sup>49</sup>. Переход в это ведомство впоследствии обернулся для Дьяконова проблемами с производством в чины и всей его военной карьеры. В 1769 г. он был назначен в расквартированные в прибалтийских губерниях полки кригс-комиссаром в чине подполковника («[п]ри Лифляндской и Эстляндской дивизии»); в 1772 г. он получил чин обер-кригс-комиссара, что соответствовало полковнику пехоты<sup>50</sup>. После этого он перешел в том же чине на службу в должности инспектора гарнизонных войск на приобретенных в результате раздела Речи Посполитой территориях (письмо № 2). Проведя в этом качестве смотры гарнизонных войск, он удостоился за них похвалы от самого Г.А. Потемкина и президента Военной коллегии графа З.Г. Чернышева. В конце 1775 г. Дьяконов получил чин бригадира, но после этого оказался

<sup>46</sup> РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 205. Л. 337; Кексгольмского пехотного полку именная список... С. 92; *Мередиш В.Ф.* Указ. соч. С. 32–45.

<sup>47</sup> «Известно и ведомо да будет каждому...». Т. 1. С. 543; РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 205. Л. 336 об.

<sup>48</sup> РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 205. Л. 337.

<sup>49</sup> Список находящимся в штате при войске, в полках гвардии и в артиллерии, генералитету и штаб офицерам. На 1767 год. СПб.: При Государственной Военной коллегии, 1767. С. 21.

<sup>50</sup> Дьяконов Алексей Степанович // Генералы и штаб-офицеры русской регулярной армии 1729–1796 гг. Сведения о службе из списков по старшинству. Т. 1: А–М / сост., вступ. ст., коммент. К.В. Татарникова. М.: Русская панорама, 2019. С. 723; Список Воинскому департаменту, и находящимся в штате при войске, в полках гвардии и в артиллерии, генералитету и штаб офицерам. На 1770 год. СПб.: При Государственной Военной коллегии, [1770]. С. 27; То же. На 1771 год. СПб.: При Государственной Военной коллегии, 1771. С. 27; Дьяконов (Дьяков) Алексей Степанович (Семенович) // Серков А.И. Российские масоны. 1721–2019. Биографический словарь. Век XVIII. Т. 1. М.: Ганга, 2019. С. 515 (здесь он «соединен» с Алексеем Семеновичем Дьяковым).

в ожидании новой должности бессрочно «до вакансии в отпуску в доме», обернувшись в итоге постоянным пребыванием «сверх комплекта»<sup>51</sup>.

До этого момента карьера Дьяконова развивалась вполне успешно, а учитывая его происхождение — даже блестяще. Параллельно с продвижением на государственной службе он, как выясняется, делает не менее успешную карьеру и в масонском сообществе (что нередко способствовало продвижению также и в «Табели о рангах»<sup>52</sup>). Один из самых значимых документов, в котором упомянут Дьяконов, наряду с указом 1756 г. о создании «русского театра», — протокол допроса Николая Ивановича Новикова в 1792 г. В ответ на требование С.И. Шешковского перечислить всех, кто входил в масонские ложи английской системы («Члены его [Елагина] лож, которых могу вспомнить...»), Новиков называет Дьяконова и прибавляет: «...помнится, бригадир»<sup>53</sup>. И действительно, уже к началу 1770-х годов Дьяконов владел в масонской иерархии довольно высоким статусом, поскольку в протоколе открытой в 1773 г. в Петербурге Ложи Уединенной Музы Урании, отпочковавшейся от елагинской Ложи Девяти Муз, он значится как один из «заводителей» этой новой ложи<sup>54</sup>. Мастером ее стал Василий Игнатьевич Лукин — писатель, переводчик и к тому моменту Великий секретарь провинциальной ложи (России), подчинявшейся Великой ложе Англии. Заседания Ложи Урании до августа 1774 г. проходили в его доме, а оттуда переместились к его старшему товарищу и покровителю, Великому провинциальному мастеру Ивану Перфильевичу Елагину в его петербургский дом на острове, получившем позже его имя. Ложа собиралась там по крайней мере до 1777 г.<sup>55</sup>

<sup>51</sup> Список Воинскому департаменту... На 1776 год. СПб.: При Государственной Военной коллегии, 1776. С. 178; РГВИА. Ф. 12. Оп. 2/61. Д. 11021. Л. 521; РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 2; Генералы и штаб-офицеры русской регулярной армии 1729–1796 гг. Т. 1: А–М. С. 723–724. (Дьяконов числился в списках чинов вплоть до 1794 г. — видимо, Военная коллегия не знала о его смерти в 1789 г.)

<sup>52</sup> Смит Д. Работа над диким камнем: масонский орден и русское общество в XVIII веке. М.: НЛО, 2006. С. 26.

<sup>53</sup> Цит. по: Новые документы по делу Новикова // СБРИО. Т. 2. СПб.: Типогр. Акад. наук, 1868. С. 145.

<sup>54</sup> ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 406. Л. 1 об.

<sup>55</sup> Кросс Э.Г. Северные братья: неопубликованная переписка И.П. Елагина с Великой ложей Англии (1772–1780) // XVIII век: сб. 25 / отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб.: Наука, 2008. С. 282–283; Степанов В.Л. Елагин Иван Перфильевич // СРП XVIII. Вып. 1: А–И. Л.: Наука, 1988. С. 307; Степанов В.Л. Лукин Владимир Игнатьевич // Там же. Вып. 2: К–П. СПб.: Наука, 1999. С. 240; Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб.: Изд-во

Правда, в дневной записке Ложи Урании Дьяконов упомянут всего лишь один раз — 14 февраля 1773 г. при самом учреждении Ложи, однако понятно, что «заводителями» новой ложи не могли быть случайные люди: к этому времени у него должна была быть уже достаточно серьезная масонская репутация. Одним из трех «заводителей» новой Ложи Уединенной Музы Урании был «почтенный брат» (т.е. занимающий определенные посты в иерархии) Бальтазар Бергман, еще в 1750-е годы упоминавшийся как член капитула Феникса, основатель Ложи Меча в Риге<sup>56</sup>. Рига буквально кишела масонами, и это обстоятельство позволяет предположить, что Дьяконов мог приобрести серьезный масонский опыт во время службы в остзейских губерниях. Сам Дьяконов и третий приглашенный братьями заводитель Яков Наврозов значатся в дневной записке как «любезные братья» (т.е. как рядовые братья-масоны)<sup>57</sup>.

Очевидно, что масонский круг был той средой, где сконцентрировались социальные связи, накопленные Дьяконовым за десятилетия службы. Прежде всего, сам Сумароков числился в самой первой из известных в России лож — так называемой Ложе 1756 года, в которой состояла элита елизаветинского царствования, а Р.И. Воронцов был «гранметром»<sup>58</sup>. Первые контакты Дьяконова с масонскими кругами завязались, вероятно, во времена его службы в Лейб-компании благодаря Елагину, которого он упоминает своих письмах к Воронцову среди своих благодетелей. С 1748 г. Елагин в чине поручика состоял писарем в канцелярии Лейб-компании<sup>59</sup>, в 1751 г. он стал генеральс-адъютантом командира роты А.Г. Разумовского, а в 1752 г., когда на службу в канцелярию поступил Дьяконов, был зачислен в штат Лейб-компании. В.И. Лукин, в свою очередь, поступил на службу в канцелярию Лейб-компании

им. Н.И. Новикова, 1999. С. 49; Елагин Иван Перфильевич // Серков А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 517–519; Лукин Владимир Игнатьевич // Там же. Т. 2. С. 59–60.

<sup>56</sup> Она же Ложа К мечу, Ложа Северной звезды (см.: Бергман (Берхман) Бальтазар (Балтазар), Борис фон // Там же. Т. 1. С. 161). В 1763–1773 гг. Бергман служил в Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел, а затем — обер-фискалом Лифляндского надворного суда. Дьяконов мог быть с ним знаком по службе в Риге.

<sup>57</sup> ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 406. Л. 1 об.; Наврозов (Навросов) Яков // Серков А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 163.

<sup>58</sup> Сумароков Александр Петрович // Там же. Т. 2. С. 499–501; Донесение о масонах // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. Т. 4. М.: Типогр. Грачева, 1862. Отд. III. С. 51.

<sup>59</sup> Степанов В.П. Елагин Иван Перфильевич. С. 304; Елагин Иван Перфильевич // Серков А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 517.

копиистом как раз в 1756 г.<sup>60</sup>, за несколько месяцев до того как Дьяконов был назначен заведовать Головкинским домом. Елагин многое сделал для продвижения Лукина как по государственной службе (устроив его своим секретарем в Канцелярии у принятия прошений в 1760-е годы), так и среди вольных каменщиков, и за эту поддержку Лукин платил искренней признательностью — например, он посвятил Елагину свои «Сочинения и переводы» (СПб., 1765), — всегда оставаясь при этом в тени своего патрона.

К 1780-м годам, однако, отношения Дьяконова с масонской средой были явно напряженными, хотя источник этого напряжения нам неизвестен. Если Елагин оставался для Дьяконова «благодетелем», то Лукин, правая рука Елагина и великий провинциальный секретарь, напротив, для него — то ли соперник, то ли объект личной неприязни. Отзвук каких-то давних дел между ними — письмо 1775 г., с которым Лукин послал неустановленному лицу вексель от Дьяконова на 400 руб.<sup>61</sup> 16 июля 1785 г. Дьяконов из Петербурга пишет находящемуся в поездке Воронцову о большом обеде и фейерверке, устроенных накануне по поводу именин Лукина, куда его явно не позвали («гостей не знаю, кто были»); а в 1787 г. заявляет что «в одном мерлоге [одной берлоге] никак невозможно двум ужиться медведям, то есть мне и Лукину» (письмо № 29)<sup>62</sup>. Имел ли он в виду под «берлогой» ложу? Это вполне возможно, поскольку Урания продолжала свою работу на протяжении 1780-х годов, хотя официально Елагин закрыл свои ложи в 1784 г.<sup>63</sup>, а Новиков помнит Дьяконова бригадиром — в чине, полученном им в конце 1775 г.

\*\*\*

Причины поворота, который происходит в жизни и карьере Дьяконова в середине 1770-х годов, не вполне понятны. Материальное положение его было к этому времени вполне завидным. В 1774 г. он стал

<sup>60</sup> Степанов В.П. Лукин Владимир Игнатьевич. С. 236; Лукин Владимир Игнатьевич // Серков А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 59.

<sup>61</sup> ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 1452. Л. 1.

<sup>62</sup> РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 35 об. (1785), 33 (1787). Отметим, что не мог ужиться с Лукиным — своим товарищем по службе при Кабинете ее императорского величества в 1760-е годы — и Д.И. Фонвизин. Фонвизин презирал Лукина за его происхождение, душевную низость и бездарность; по его мнению, Лукин обманом вкрался в доверие к честному Елагину. На протяжении 1760-х годов Фонвизин жаловался на козни Лукина и ненавидел его всю жизнь (см.: Люстров М. Фонвизин. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 54–55).

<sup>63</sup> Кросс Э.Г. Северные братья... С. 293; Степанов В.П. Елагин Иван Перфильевич. С. 307.

помещиком, приобрета мызу Нежинскую в Копорском уезде Санкт-Петербургской губернии<sup>64</sup> с восемью деревнями, «с людьми и со крестьянами». Продал ее Дьяконову генерал-майор Сергей Владимирович Салтыков, участник Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и литератор<sup>65</sup>. Обстоятельства приобретения и уплаченная Дьяконовым цена нам неизвестны, но купчая между ними была совершена в Москве 14 апреля 1774 г.<sup>66</sup> Помещичья усадьба находилась на левом берегу реки Сисы, севернее одной из деревень — Павловой, вблизи Сойкинского полуострова, выходящего в Финский залив. Площадь Нежинской мызы — 21 гектар<sup>67</sup>. На момент совершения купчей в деревнях жили 580 д.м.п. крепостных, что

<sup>64</sup> Сегодня — деревня Нежново, административный центр Нежновского сельского поселения Кингисеппского района Ленинградской области.

<sup>65</sup> По окончании войны он вышел в отставку в чине генерал-майора и жил в своих поместьях в Смоленской губернии. См. о нем: Кукушкина Е.Д., Муллин В.Н. Салтыков Сергей Владимирович // СРП XVIII: Вып. 3. С. 86–87. Видимо, Нежинское оказалось ему не нужно, и он его продал в последний год войны.

<sup>66</sup> РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 1244. Л. 136. Я благодарю к.и.н. В.Е. Борисова за эту находку. Дьяконов подтвердил совершение этой сделки в своем завещании, подписанном 11 октября 1789 г. (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 13. Д. 399. Л. 1. См. здесь: Приложение № 4). В литературе встречается ошибочное, ни на чем не основанное мнение, что Дьяконов приобрел Нежинское у Трубецких или Лопухиных (Мурашова Н.В., Мыслина Л.П. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Кингисеппский район. СПб.: Информ. центр «Выбор», 2003. С. 164). Имя Лопухиных возникло, возможно, потому, что Федор и Василий Аврамовичи (Абрамовичи) Лопухины получили эти земли во время большой раздачи земель в Ингерманландии при Елизавете Петровне в 1746 г., но их обоих не стало еще в 1757 г. (см.: Анонасенко А.Н. Из истории землеустройства Ингерманландии в 1712–1800 гг.: Лисинская мыза Копорского (Софийского) уезда Петербургской губернии // Северо-Запад в аграрной истории России: межвузовский тематический сб. науч. тр. Калининград: Изд-во Российского государственного университета им. И. Канта, 2008. С. 61–65). Вероятно, С.В. Салтыков купил поместье у Лопухиных не позднее 1757 г. или же у их наследников.

<sup>67</sup> Мурашова Н.В., Мыслина Л.П. Указ. соч. С. 164. На протяжении почти десяти лет соседом Дьяконова в этом неприметном уголке Ингерманландии был А.Н. Радищев, один из самых близких Воронцову людей среди его протеже. Чуть южнее Нежинской, в деревне Пустомержке Ополевской волости, находилось имение Онстопель (Анстопель), купленное в 1770-е годы Василием Кирилловичем Рубановским — отцом Анны и Елизаветы, будущих венчанной и невенчанной жен Радищева. В доме тестя Радищев с женой поселились в 1775 г. после свадьбы — тогда же, когда Дьяконов, уйдя в бессрочный отпуск, поселился в Нежинской. Радищев переехал в Петербург с детьми и Елизаветой Рубановской после смерти своей супруги в 1783 г., а Онстопель, Пустомержка, Карповая (Корпово) и Ямсковичи перешли по наследству к Елизавете Васильевне (см.: Воронцов А.П. Сестры Анна и Елизавета Рубановские в судьбе писателя Радищева // Воронцовы — два века в истории России.

сразу позволяет записать Дьяконова в число крупных помещиков. Конечно, офицерского, пусть даже полковничьего, жалованья на такую покупку ему бы никогда не хватило, тем более что, как правило, его не хватало даже на повседневные расходы. Это заставляет предположить, что или у него были какие-то побочные доходы, например, взятки на таком «хлебном» месте, как снабжение армии, которым он занимался по должности, или же деньги ему дал в долг кто-то из высоких покровителей (не Воронцов ли?). В 1777 г., после очередного межевания в Ингерманландии, Дьяконов прикупил еще земли по соседству у надворного советника Крестьяна Криднера<sup>68</sup>. На это приобретение он мог потратить деньги, взятые под залог уже имевшихся душ в Дворянском банке, которому, как мы увидим позже, он был должен.

Сам ли Дьяконов попросился в отпуск «до вакансии» или был вынужден в него уйти? Возможно, именно покупка имения подтолкнула его к такому решению, или, быть может, наоборот, он и купил его, уже планируя удалиться от дел? Вообще, чин бригадира приобретает в тот период характер имени нарицательного: в нем уходят в отставку те, кто не имеет дальнейших карьерных перспектив или амбиций. Неслучайно именно этим чином «наградил» современник Дьяконова Фонвизин героя своей комедии; неслучайно и пушкинский «смиранный грешник Дмитрий Ларин» был «господний раб и бригадир». Для того чтобы понять не вполне прозрачные, а для современного читателя даже и вовсе темные обстоятельства отставки Дьяконова, необходимо погрузиться в «технические детали» существовавших тогда правил чиновничества и происхождения службы.

Дьяконов даже объясняет (письмо № 2), как он пришел к своему нынешнему положению — фактической «отставке без отставки». По его словам, в середине 1770-х годов, перед уходом в бессрочный отпуск, он пытался выторговать себе или старшинство в том же чине или повышение — должность коменданта, вероятно, в каком-то гарнизоне в Прибалтике: «...я просил сперва о старшинстве полковничьем, а буде нельзя, то о определении в коменданты, и до вакансии об отлучке в дом <...> я никак не мог бóлее служить с зачетом, какой делала коллегия комиссариатским чином». Он хотел добиться «старшинства полковничьего» и не хотел более служить «с зачетом»: т.е. с зачетом лет, фактически проведенных в должности, в данном случае — обер-кригс-комиссара.

Труды Воронцовского общества. Вып. 9 / ред., сост. В.Н. Алексеев. Петушки: Б.и., 2004. С. 10).

<sup>68</sup> РГАДА. Ф. 1261. Оп. 13. Д. 399. Л. 2.

Причиной тому был принятое в кригс-комиссариате счисление чинов: они номинально были равными армейским, но старшинство считалось на ранг ниже<sup>69</sup>. Поэтому, будучи формально в 6-м (полковничьем) классе по должности обер-кригс-комиссара, по старшинству Дьяконов числился только с подполковниками (7-й класс), не будучи при этом приписанным ни к одной армейской части, что существенно затрудняло его чинопроизводство. Его это больше не устраивало, и он просил или о «старшинстве полковничьем» — уже о фактическом уравнивании его звания с армейским полковником (в чем ему отказали, потому что тогда и «другия моя братья [служащие по кригс-комиссариату] просить бы [старшинства] стали») <sup>70</sup> — или же о должности коменданта, которая считалась наравне с армейскими чинами и опять-таки позволила бы ему стать «полноценным» полковником.

Ситуация осложнялась тем, что Потемкин с Чернышевым за заслуги в инспекторских смотрах произвольно, широким жестом наградили Дьяконова бригадирским чином, но не подумали о том, что соответствующей должности для него нет. Более того, он не был «полноценным» бригадиром, поскольку для этого чина ему не хватало выслуги лет полковника. Однако никто не смел, конечно, отменить пожалование, исходившее от таких высокопоставленных лиц, и он фактически оказался в карьерном тупике. Как следствие, он остался «сверх комплекта», а фактически — в бессрочном отпуске в ожидании «ваканции» в действующей армии: ситуация, вовсе не уникальная для «потемкинской» эпохи, когда контроль за соблюдением порядка чинопроизводства ослаб до крайности. Наиболее реальным выходом из этого тупика оставался переход на статскую службу, поскольку тогда бы его формальный чин учитывался, — этого он и будет так добиваться на протяжении 1780-х годов<sup>71</sup>.

Показательно, что, даже поселившись в имении, купленном в разгар всех этих перипетий, Дьяконов вплоть до 1787–1788 гг. сохраняет какие-то амбиции. В 1781–1783 гг. он служит на выборной должности — заседателем совестного суда от дворянства по Санкт-Петербургской губернии; выборная должность могла стать первым шагом к занятию

<sup>69</sup> Это правило отчетливо видно в «Списке Воинскому департаменту... На 1796 год» (СПб.: При Государственной Военной коллегии, 1796. С. 74 и далее) в разделе «Воинские чины главного Кригс-Комиссариата»: на полях у старшинства имен офицеров приписано: «Старшинством считаются по прежним чинам» и указаны даты возведения в эти чины.

<sup>70</sup> РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 2 об.

<sup>71</sup> Искренне благодарю А.В. Дмитриева и А.М. Феофанова за разъяснения о порядке чинопроизводства в этот период.



места в статской службе<sup>72</sup>. Примерно в эти же годы у него появилась была надежда получить должность при посредничестве самого Потемкина, который якобы вдруг вспомнил прошлые заслуги Дьяконова: «...через 6 лет [т.е. в 1781 г.] после инспекторского смотра, явил было князь милость превеликую, расположением сваим примет в генерал контролары» (письмо № 2)<sup>73</sup>. Из этого, однако, ничего не вышло, поскольку на Дьяконова-де «ополчились» «окольные» Потемкина, и особенно член Военной коллегии Аким Иванович Алухтин: «...тут зависть воскипела до крайности, и неприятели маи ополчились на меня злобные и яростные, нежели на Христа жида», «выдумали и взвели всякия козни; и довели до ушей княжеских [Потемкина]», распространяли «клеветы» и «злословия»<sup>74</sup>. Как следствие, назначения Дьяконов не получил, и его возвращение на военную службу не состоялось.

Это фиаско во многом предопределило центральный мотив переписки, которую он ведет с Воронцовым в 1780-х годах: это желание вернуться на службу, хотя бы даже и на статскую, и фрустрация из-за того, что вернуться никак не получается. И действительно, на протяжении семи лет, которые охватывает доступная нам переписка, Воронцов предпринимает несколько попыток найти Дьяконову должность. Излагая в письме от 4 ноября 1783 г. свои злоключения последних лет, бригадир упоминает, что Воронцов хотел «зделать меня вице губернатором», но тут опять «умножилась на меня зависть до крайности, каторыя и изрещи я не могу»<sup>75</sup>. Сопоставляя круг лиц, упоминаемых в переписке Дьяконова и Во-

<sup>72</sup> Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1781. СПб.: При Имп. Академии наук, [1781]. С. 138; Месяцеслов... 1782. С. 135; Месяцеслов... 1783. С. 148.

<sup>73</sup> РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 2 об. Должность генерал-контролера не существовала до 1781 г., когда была воссоздана Счетная экспедиция Военной коллегии, упраздненная Елизаветой Петровной (ПСЗ РИ I. Т. 21. № 15292) В обязанности Счетной экспедиции, возглавляемой генерал-контролером, входил надзор за финансами армии: ревизия счетов, производство начетов и взысканий (см.: Столетие военного министерства в России. 1802–1902. Т. 1. Исторический очерк развития военного управления в России / сост. Н.А. Данилов; гл. ред. Д.А. Скалон. СПб.: Тип. П.Ф. Пантелеева, 1902. С. 41). Счетную экспедицию действительно возглавил военный в чине бригадира: Месяцеслов... 1782. С. 54. Значит, переговоры об этой должности Дьяконов вел в 1780–1781 гг., имея, таким образом, все шансы стать первым генерал-контролером. Эта должность соответствовала четвертому классу по «Табели по рангам», т.е. генерал-майорскому, к которому так стремился Дьяконов (его бригадирский чин был пятым по «Табели»).

<sup>74</sup> РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 2–3 об.

<sup>75</sup> Там же. Л. 3.

ронцова, с событиями, происходившими вокруг них в те же годы, можно утверждать, что речь идет о Псковском наместничестве. Туда в 1782 г. вице-губернатором был назначен Харитон Лукич Зуев — объект зависти и нападок в письмах Дьяконова. В 1788 г. Дьяконов с явной горечью пишет о назначении Зуева уже псковским губернатором (в должности правителя наместничества) вместо И.А. Пиля<sup>76</sup>. В Семилетнюю войну Зуев служил на писарской должности в канцелярии обер-аудитора Заграничной армии и вполне мог быть знаком Дьяконову, и потому его успех вызывает особенную ревность нашего героя. Сначала прокурор Смоленской губернии, затем прокурор в новообразованной Могилевской губернии и наконец, председатель уголовной палаты опять в Смоленске<sup>77</sup>, Зуев был замечен в 1780 г. самой императрицей во время ее визита в этот город вместе с императором Иосифом II. В ходе той же поездки императрица посетила Псков и осталась недовольна тем, как вел дела тамошний губернатор А.Н. Кожин. Пользуясь недовольством императрицы положением дел во Пскове и лично Кожиным, Воронцов вполне мог попытаться пристроить туда вице-губернатором своего «безработного» протеже, но вместо него это место и чин статского советника достались в 1782 г. Зуеву<sup>78</sup>. Когда в 1783 г. был, наконец, смещен губернатор Кожин, Воронцов сумел через А.А. Безбородко провести на его место еще одного своего протеже, рижского губернатора И.А. Пиля. Дьяконову опять оставалось только сетовать на несправедливую к нему судьбу.

Несмотря на эту неудачу, Воронцов и дальше не отказывается от своей роли покровителя Дьяконова. Он добывает для него некий «диплом» через секретаря русского посольства в Варшаве И.Ф. Аша и переписывается о нем с екатеринославским губернатором И.М. Синельниковым. Возможно, речь шла о должности в новых губерниях на юге России, однако и эти хлопоты оказались безуспешны (письма № 6, 7, 13). Особые надежды возлагал Дьяконов на места, открывавшиеся в связи с реформой банков в 1786 г. В октябре 1786 г. Воронцов сообщает

<sup>76</sup> Там же. Л. 14 об.

<sup>77</sup> Месяцеслов... 1772. С. 171; Месяцеслов... 1776. С. 289.

<sup>78</sup> Месяцеслов... 1782. С. 182. *Степанов В.П.* Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795): [Список по Месяцесловам: Справочник-указатель]. СПб.: Академический проект, 2003. С. 246. *Кораблев Н.А., Мошина Т.А.* Преемник Г.Р. Державина олонекский губернатор Х.Л. Зуев // *Державинский сборник-2018.* Карельский филиал РАНХиГС / отв. ред. Р.Р. Пивненко, М.Л. Гольденберг. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2018. С. 82. Зуев вступил в должность 15 апреля 1782 г., как следует из документов ревизии Псковской губернии 1785 г. (Ф. 1261. Оп. 12. Д. 177. Л. 138).

Дьяконову, что «много говорил» о нем с «графом А[ндреем] Петровичем [Шуваловым]», который «рад будет иметь вас в банке и очень хорошо о вас и способностях ваших отзывался»<sup>79</sup>. Вскоре после этого он даже «возил» Дьяконова к Шувалову — директору нового Ассигнационного банка: об этом Воронцов напоминает в письме от 10 мая 1787 г. из Саратова<sup>80</sup>. Весной 1787 г. Дьяконов все еще предается «мечтаниям» о месте в Ассигнационном или Заемном банке. В Петербурге он «услышал ненарочно», что в новоучрежденном Заемном банке советники чина коллежского советника «старее бригадиров, то есть сидят выше», докладывал он Воронцову 28 апреля 1787 г., примеривая на себя должность советника<sup>81</sup>. Надежды на новый чин и должность Дьяконов связывает с грядущим празднованием 25-летия восшествия на престол Екатерины II. По слухам, юбилей должен был ознаменоваться раздачей наград и чинов («беспримерными государыни нашей милостями и благодеяниями»), и Дьяконов рассчитывал, что получит следующий по «Табели», т.е. четвертый, чин действительного статского советника, соответствующий генеральскому (письмо № 24)<sup>82</sup>.

Однако ни должности в банке, ни следующего чина Дьяконов не дождался. Тем более болезненно реагировал он на успехи других знакомых ему лиц. В письме от 10 мая 1787 г. Воронцов чувствует себя обязанным объяснять Дьяконову, почему на должность в банк определен чиновник гражданской палаты Санкт-Петербургской губернии коллежский советник Василий Дмитриевич Львов:

...многие ... [и] Львов помещены были в банк после того, как я возил вас к Г[рафу] А[ндрею] Петровичу [Шувалову]. Верьте мне, что он основывается на наружности, и я б вам оно доказал, естли б я мог открыть все обстоятельства сего дела, и как впредь вы оно узнаете, то вы и сами подивитесь...<sup>83</sup>

Воронцов, как мы видим, оправдывается, уличая Шувалова в том, что тот основывает свое суждение на «наружности» человека, не учитывая его истинных свойств, знаний и склонностей. Неясно, впрочем, почему

<sup>79</sup> РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 18.

<sup>80</sup> Там же. Л. 31. Поскольку в середине января 1787 г. Воронцов отправился с ревизией в черноморские губернии, на Кавказ, в Поволжье и в Оренбург, откуда вернулся лишь в июне, то визит к Шувалову должен был состояться не позднее конца 1786 г.

<sup>81</sup> Там же. Д. 541. Л. 10–10 об. Чин коллежского советника принадлежал к шестому классу по «Табели».

<sup>82</sup> РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 10.

<sup>83</sup> Там же. Д. 68. Л. 31.

Воронцов договаривался о назначении Дьяконова не с близким к нему П.В. Завадовским — директором Заемного банка, а с Шуваловым, враждебно настроенным к Воронцову и считавшим его, наряду с Завадовским и Безбородко, человеком «вреднейшим» для государства<sup>84</sup>. Обещание, а потом отказ принять на службу его протеже были для Шувалова, похоже, способом дополнительно уколоть Воронцова.

Если в 1787 г. Дьяконов был еще окрылен ожиданием получения нового чина, то в 1788 г., когда от этих надежд ничего не осталось, он пишет о своих рухнувших мечтах с глубокой обидой:

Не то прискорбно, что не вашол я в службу и не воспользовался ею, да что не мог войтить <...> Да и в какое же наконец малое и мелкое место, каков есть Ассигнационный банк, в которой и могуществом, и силою господина Рибаса ко удивлению тогда всех введен коллежской советник Львов, не быв перед тем и года в том чине, а по Банку через год же и в Штатския советники вышол. ...[Что же] до способностей господина Львова, то я ведаю их досканально: они отнюдь не есть чтобы из 7 ранка в 5й через два года выпрыгнуть (письмо № 36)<sup>85</sup>.

Возмущение Дьяконова понятно: в 1787 г. В.Д. Львов получил чин статского советника (5-й), не выслужив, по его сведениям, нужного числа лет в предыдущем (6-м) чине<sup>86</sup>. Однако здесь можно разглядеть и недовольство собственным патроном: Львов получил место благодаря близкому к Г.А. Потемкину Осипу Михайловичу де Рибасу, его «могуществом и силою», которых или не достало Воронцову, или же он решил уступить противной партии в чем-то не самом значительном, чтобы позднее рассчитывать на ответный шаг. Дьяконов, кажется, это понял и то ли упрекал Воронцова, то ли указывал ему на нехватку «ресурса» в одном из сохранившихся черновиков: «...сколь великое число в сии годы поделали Вы [нрзб] рода дел [нрзб] наместников, губернаторов, кавалеров разных орденов, а Владимирских больших крестов, как например [нрзб] и прочие малых и говорить нечево, но моей участи переменить не могли»<sup>87</sup>.

<sup>84</sup> Морозан В.В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 82; Кобеко Д.Ф. Ученик Вольтера... Андрей Петрович Шувалов (1774–1789) // Русский архив. 1881. № 6. С. 275; цит. по: Гарновский М.А. Записки Михаила Гарновского. 1786–1790 // Русская старина. 1876. Т. XVI. С. 226.

<sup>85</sup> РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 21 об.

<sup>86</sup> В 1787 г. В.Д. Львов значится в правлении Ассигнационного банка еще коллежским советником (чин 6-го класса), а в 1788 г. — уже статским советником (5-й класс) (см.: Месяцеслов... 1787. С. 99; Месяцеслов... 1788. С. 93).

<sup>87</sup> РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 37.

Если эти слова и не попали в отправленное письмо, то во всяком случае Воронцов их увидел, разбирая письма Дьяконова после его смерти.

\*\*\*

Поселившись в своем поместье, Дьяконов, подобно многим другим дворянам той поры, принялся за чтение. О его образовании и интеллектуальном багаже (приобретенном, вероятно, еще в годы службы в канцелярии Лейб-компании) мы ничего не знаем. Некоторое представление о нем дают письма Дьяконова, характеризующие отставного бригадира как просвещенного помещика: он цитирует Сумарокова (упомянутую притчу о зайце и далеко не самую известную трагедию «Ярополк и Димиза»<sup>88</sup>), проповедь Феофана Прокоповича «Слово похвальное о баталии Полтавской»<sup>89</sup>, 26-й псалом в переложении Ломоносова<sup>90</sup>. Размышления о здешнем «свете» и о мирах — лучшем и худшем — со ссылками на вольтеровского «Кандида» проходят лейтмотивом через всю его переписку, причем разочарование Дьяконова в «лучшем из миров» нарастает<sup>91</sup>. Здесь он предвосхищает ту злую иронию, с которой меньше чем через десятилетие будет упоминать профессора Панглосса другой протеже Воронцова, Радищев, описывая патрону свои мытарства в ссылке<sup>92</sup>. В марте 1786 г. Дьяконов сообщает Воронцову, что читает «римскую повесть»,

<sup>88</sup> Представлена впервые в Петербурге в 1758 г. — в год отъезда Дьяконова в армию.

<sup>89</sup> «Слово похвальное о баталии Полтавской, проповеданное в Санктпетербурге в церкви Живоначальных Троицы июня в 27 день 1717 года» Феофана Прокоповича; подробнее см. коммент. к письму № 2.

<sup>90</sup> См. подробнее коммент. к письму № 2.

<sup>91</sup> РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 1, 3, 2 об., 9 об., 13 об., 19.

<sup>92</sup> «Панглосс говаривал, что мы живем в наилучшем из возможных миров. Но этот добрый философ после своего повешения был выкуплен с каторжной галеры. Я подумал о превратностях этого мира. Мужество, терпение!.. Прекрасный девиз! Я бы желал лишь одного, чтобы когда-нибудь настало счастье увидеть того, кому я обязан тем слабым дыханием, которое поддерживает мою жизнь» (т.е. Воронцову) (цит. по: А.Н. Радищев — А.Р. Воронцову, 5 апреля 1791 г., Тобольск // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 361–362). «Мы живем в лучшем из миров, как сказал мне вчера вечером Панглосс, с которым я беседовал. Панглосс, почему я не такой философ, как ты! Тебя вешают, а ты говоришь, что это к лучшему!» (цит. по: А.Н. Радищев — А.Р. Воронцову, 20 января 1792 г., Илимск // Там же. С. 412–413). При этом сам Воронцов относился к Лейбницу, которого Вольтер высмеивал под именем профессора Панглосса, без всякой иронии: его рациональному складу ума не была чужда уверенность в возможности устройства общества в соответствии с естественным порядком вещей (*Дорохова Н.Е.* «Российские тори» и общественно-политическая мысль западноевропейского Просвещения

предположительно — многотомную «Римскую историю» Шарля Роллена в переводе В.К. Третьяковского<sup>93</sup>. Он достаточно подкован в античной истории и прибегает к античным аллюзиям в своих историсофских построениях, рассуждая о том, как отличать «правильных монархов» от тиранов и злодеев на троне: «...и в доказательство истины моей донесу в краткости: что при Титах, Веспасианах и Аврелиях был он [свет] миллион раз лучше, нежели при Тибериях Клавдиях, Калигулах и при Неронах»<sup>94</sup>. Круг чтения провинциального дворянина, описанный С.Л. Пештичем для рубежа 1750–1760-х годов, вполне соотносим с интересами Дьяконова и его кругозором: «Краткий российский летописец» М.В. Ломоносова (1760), «Древняя история» и «Римская история» Ш. Роллена, «Родословец Российский»<sup>95</sup> вполне могли составлять его библиотеку в Нежинской мызе.

Знание античной и современной литературы, большой кругозор и умение писать — все это, вероятно, было результатом самообразования, помогшего ему найти нужных покровителей и сделать карьеру. Дьяконов должен был уметь читать по-французски (писать и говорить на этом языке, видимо, он не мог), чтобы пользоваться книгами, которые он брал для своего «благодетеля» Сумарокова в библиотеке Академии наук. Так, в черновике письма 1788 г. Дьяконов цитирует по-французски строфу из трагедии Вольтера «Меропа», очевидно, по памяти — ошибаясь в написании слов и искажая смысл:

quant'on a tout perdu  
quant'on n'a plu despoir  
La vie est un orpropre  
Et l'amor est une devoire<sup>96</sup>.

на рубеже XVIII–XIX веков: дис. ... канд. ист. наук. Томск: Томский гос. ун-т, 2006. С. 36).

<sup>93</sup> РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 8. См. коммент. к письму № 11.

<sup>94</sup> Там же. Л. 23.

<sup>95</sup> Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Ч. II. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. С. 13 (источник для этих построений — дневник курского помещика И.П. Анненкова: Там же (сн. 14)).

<sup>96</sup> РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 16 об. Черновик здесь не публикуется, поскольку в основном его повторяет письмо Дьяконова от 18 октября 1788 г. (№ 34). В оригинале трагедии Вольтера «Меропа» (Mérope) в VIII акте читаем:

Quand on a tout perdu, quand on n'a plus d'espoir,  
La vie est un opprobre, et a la mort un devoir.

Русский перевод был опубликован в середине 1770-х: [Вольтер.] Меропа: Трагедия Господина Вольтера / переложенная из русския прозы Васильем

Однако вместо «смерти» (*mort*), как в оригинале у Вольтера, в этом пассаже фигурирует «любовь» (*amour*). Неясно, сознательно ли Дьяконов производит эту замену, и если да, то стоят ли за этим какие-то события из его жизни? Возможно, однако, что Дьяконов держал в уме не саму трагедию Вольтера, а сумароковского «Хорева», где эти строки вложены в уста Оснельда в следующем переложении:

Когда погибло все, когда надежды нет,  
Жизнь бремя, и одна она покой дает (IV, 7).

В этом случае замена *mort* на *amour* у Дьяконова оказывается не случайной аберрацией памяти или намеком на какие-то личные обстоятельства, а следует несколько абсурдной логике Сумарокова, у которого жизнь дает покой, несмотря на свою обременительность, а смерть вовсе не упомянута<sup>97</sup>. С другой стороны, эти строки были написаны Дьяконовым в тяжелые минуты: он был уже тяжело болен, и мысль об оставлении этого «лучшего из миров», который в последние годы приносил ему одни огорчения, не покидала бригадира<sup>98</sup>.

Нельзя исключать, что, интересуясь сельским хозяйством, он выписывал и «Труды Вольного экономического общества». Точно можно сказать, что Дьяконов был подписчиком как минимум двух периодических изданий: «Санкт-Петербургских ведомостей» и журнала «Утренний свет»<sup>99</sup>.

Майковым. М.: При Государственной военной коллегии, 1775. В переводе Майкова эти строки звучат следующим образом:

Когда погибло все, когда надежды нет,  
Тогда несносна жизнь; и долг оставить свет (с. 35).

<sup>97</sup> См. об этом: Николаев С.И. Оригинальность, подражание и плагиат в представлениях русских писателей XVIII века (Очерк проблематики) // XVIII век: сб. 23 / отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб.: Наука, 2004. С. 8 (ср. слова Дьяконова: «Признаюсь искренне, что я хотел бы лутче в сие время умереть, нежели столька страдать, да и не видеть конца жестокому сему беспокойству, а закривши вечна глаза, не видели бы бо́лея сего кандидова наилутчаго из всех возможных света, каторый все из нас каждой во свое время оставить должны» (письмо № 34)).

<sup>98</sup> Как писал П.А. Радищев, его отец, допуская самоубийство как возможный для себя выход, приводил в обоснования такой позиции именно эти строки Вольтера (см.: Зорин А.Л. Указ. соч. С. 131). 6 октября 1785 г. «Меропа» была представлена французским театром в Санкт-Петербурге (*Evstratov A. Le théâtre francophone à Saint-Petersbourg sous le règne de Catherine II (1762–1796). Organisation, circulation et symboliques des spectacles dramatiques. Vol. 2. Paris: Univ. Paris-Sorbonne (Paris IV), 2012. P. 125*). Не исключено, что Радищев мог видеть постановку пьесы Дьяконов, судя по письму от 9 октября 1785 г., собиравшись в эти дни в Петербург, но приехать, видимо, не смог (письмо № 8).

<sup>99</sup> На «Утренний свет» Дьяконов подписался в январе 1778 г.: «Его Высочорodie Алексей Степанович Дьяков [sic]» значится в списке «Особы,

Последний издавался Н.И. Новиковым в Петербурге с сентября 1777 по август 1780 г. и был одним из важнейших периодических изданий десятилетия с тиражом более 1000 экземпляров. Его целью было донести до широкой публики доктрину и цели первых трех степеней масонского ордена, предлагая их то в литературной форме, то в форме философского эссе, то в виде писем в редакцию<sup>100</sup>. Для сравнения, в подписном списке Воронцова «Утреннего света» нет, но есть «Экономический магазин», а также исторические сочинения: «Краткое историческое и географическое описание Царства Арменского» А. Шаамирянца (1786 г.) и «Деяния Петра Велико-го» И.И. Голикова в 12 частях (1788–1789)<sup>101</sup>.

Публикации в «Санкт-Петербургских ведомостях» становятся поводом для обсуждения в переписке Воронцова с Дьяконовым и, вероятно, позволяют отставному бригадиру ощущать себя несколько менее оторванным от того информационного поля, в котором вращается его

подписавшиеся в Январе месяце: В Санктпетербурге» (Утренний свет. 1778. Ч. 2. № 2 (февраль). Б.п.). Подобная опечатка в фамилии была нередкой, но обращение «высокородие» относилось только к офицерам 5-го ранга, т.е. к бригадирам. В том же месяце на два экземпляра журнала подписался «Его *высокоблагородие* Александр Андреевич Безбародько» (Безбородко находился в чинах ниже Дьяконова). Ранее, в ноябре 1777 г., на журнал подписался Иван Логгинович Голенищев-Кутузов, нарвский приятель Дьяконова.

<sup>100</sup> «Утренний свет» и следовавшие за ним московские журналы, издававшиеся уже не при прямом участии Новикова, но под его общим руководством, были частью большой программы Новикова: по утверждению исследовательницы Р. Фаджонато, журналы создавали базу для возникновения новой модели человека, открытого новыми идеям, честного гражданина и хорошего христианина, сознававшего, что счастье, к которому стремился каждый человек по воле бога, может быть достигнуто только солидарностью и взаимным уважением, равенством прав и обязанностей, прописанным в законах. Отправной точкой для достижения этой цели была радикальная реформа «умственной вселенной». Содержание публикаций сходно с содержанием речей С.И. Гамалеи, А.М. Кутузова и Новикова на ученических собраниях в эти годы (см.: *Faggionato R. A Rosicrucian Utopia In Eighteenth-Century Russia: The Masonic Circle of N.I. Novikov. Dordrecht: Springer, 2005. P. 121, 168 (fn. 23)*). Стоимость годовой подписки на «Утренний свет» составляла вначале 3 руб. 50 коп., потом была повышена до 4 руб., но читатели могли уплатить любую сумму, поскольку доходы от издания шли на благотворительность. К сожалению, «Московское ежемесячное издание» (1781) и «Вечерняя заря» (1782) не содержат сведений о подписчиках, подобных «Утреннему свету».

<sup>101</sup> *Самарин А.Ю.* Писатели XVIII века в списках подписчиков на книги и журналы (1762–1800) // XVIII век: сб. 29 / отв. ред. Н.Д. Кочеткова, С.И. Николаев. СПб.: Альянс-Архео, 2017. С. 538. По подсчетам Самарина, всего в последней трети XVIII в. в России по подписке получали издания 8500 человек (Там же. С. 531).



корреспондент, имеющий доступ к последним новостям в столице и при дворе. «По случаю войны любопытно весьма ныне читать [Санкт-Петербургские] ведомости», — пишет Дьяконов Воронцову 23 сентября 1787 г. (письмо № 29)<sup>102</sup>. Европейские новости переплетаются в переписке с сообщениями о происшествиях в частной жизни. Так, описывая свои домашние «приключения», а точнее, оправдываясь перед Воронцовым за то, что не сразу отправился по его поручению с письмом к Безбородко в столицу («притчина медления моего в деревне»), Дьяконов пишет о своем падении с досок, положенных на время ремонта в качестве пандуса при входе в дом: «...я полетел, как воздушные путешественники, с тою только разницею, что я полетел вниз, и ушибся изрядно» (письмо № 5)<sup>103</sup>. Шутливое упоминание «воздушных путешественников» должно быть откликом на новости об опытах братьев Монгольфье с шарами, наполненными горячим воздухом, о которых Дьяконов мог прочитать, например, в номере «Ведомостей» от 6 октября 1783 г. По сообщению газеты, наполненный «горючим воздухом» шар «произвел в зрителях столь великое любопытство, что Принцы, министры, ученые и многия другия особы пожелали видеть еще и другой над большим шаром»<sup>104</sup>. Всю осень 1783 г., как сообщали газеты, Монгольфье проводил опыты со своей «машиной», разыскивая «охотников к предприятию воздушнаго путешествия»<sup>105</sup>. Наконец, долгожданный полет состоялся: шевалье Орланд и Пилатр де Розье доказали возможность воздушных путешествий, пробыв в воздухе 20 минут. Как писали «Ведомости», построенная Монгольфье «машина»

при помощи Западнаго ветра... перелетела чрез реку Сейну, а наконец и через весь Париж, где всеми вообще жителями была видима. Г. путешественники хотели было над самым Парижем опуститься для свидания со знакомыми: однако опасаясь, чтоб ветер не нанес их на дома Сент-Жерменскаго предместья, решились продолжать путь свой далее, и перелетев через Париж, по ту сторону Монмартскаго предместья <...> спустились на чистом поле по своему желанию и без всякаго удара<sup>106</sup>.

С этими «путешественниками» и отождествил себя иронически Дьяконов, провалившись в подпол своего дома через полтора года после публикации этого сообщения.

<sup>102</sup> РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 33.

<sup>103</sup> Там же. Л. 34.

<sup>104</sup> СПбВ. 1783. № 80. 6 октября. Б.п.

<sup>105</sup> Там же. № 81. 10 октября. Б.п.; № 82. 13 октября. Б.п.; № 85. 24 октября.

Б.п.

<sup>106</sup> Там же. № 100. 15 декабря. Б.п. (Курсив в цитате мой. — М. Л.).

Другое упоминание в переписке газетных публикаций связано с революционными событиями во Франции: «Я уповаю, что вы газеты сп [санкт-петербургские] получаете», — пишет взволнованный новостями из Парижа Воронцов Дьяконову 5 августа 1789 г.<sup>107</sup> В газетах, продолжал Воронцов, «напечатано много примечательного о всем происходящем во Франции. Чем сия каша кончится, трудно предугадать»<sup>108</sup> (письмо № 42). «Санкт-Петербургские ведомости» еще до событий 14 июля 1789 г. помещали в каждом номере сообщения о «несогласии» между «государственными чинами» во Франции, о «великих беспокойствах», которыми сопровождалось заседания Генеральных штатов<sup>109</sup>. Сообщение о взятии Бастилии, однако, появилось в «Ведомостях» лишь во вторник 7 августа<sup>110</sup>, т.е. только через два дня после упоминания Воронцовым о приключившейся в Париже «каше». Разумеется, в отличие от Дьяконова, он получал сведения о происходившем во Франции из дипломатических депеш при дворе, до появления сообщений в газетах. О смене кабинета во Франции и «бунте» стало известно не из газет, а из перлюстрации корреспонденции послов 26 июля. На следующий день (27 июля) в Петербург приехал курьер из Парижа с известием,

что сколь скоро свели в Париже о перемене министров, а особливо Неккера, то народ взволновался, взяли подозрение на королеву, разбили Бастилию; les gardes françoises [французская гвардия] пристали к народу. Король приходил в Собрание депутатов, из коих несколько отправилось в Париж для усмирения народа, но тут и утвердили свою милицию, над коею начальник de la Fayette<sup>111</sup>.

В письме от 19 июля н.ст. русский посол в Париже И.М. Симолин сообщал о событиях 14 июля в Париже: «Революция во Франции совершилась, и королевская власть уничтожена», приложив подробный

<sup>107</sup> РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 39 об.

<sup>108</sup> Там же. Л. 39.

<sup>109</sup> СПбВ. 1789. № 53. 3 июля. С. 833; Там же. № 54. 6 июля. С. 849 и т.д.; о конфликте мещанства и духовенства с дворянством в Народном собрании: Там же. № 56. 13 июля. С. 880–881; о «беспокойствах» от черни и ее «наглостях»; об отставке Неккера и изгнании его из Франции: Там же. № 62. 3 августа. С. 974–976.

<sup>110</sup> Там же. 1789. № 63. 7 августа. С. 989–991.

<sup>111</sup> О «перемене министров» писали к французскому послу Сегюру из Парижа 7 (18) июля (см.: Храповицкий А.В. Дневник. 1782–1793. М.: Фонд Сергея Дубова, 2003. С. 167. Записи от 26, 27 и 29 июля). По датам записей видно, что курьеры из Парижа доезжали до Петербурга приблизительно за две с половиной — три недели.

«Дневник событий, имевших место в Париже с 11 по 17 июля 1789 г.»<sup>112</sup> Эти бумаги должны были прийти в Россию к концу июля (ст.ст.), т.е. к 5 августа Воронцов мог знать подробности французских событий, но отсылал Дьяконова как непосвященного к газетам.

К сожалению, писем от Дьяконова за эти месяцы не сохранилось, поэтому мы не знаем, какие мысли приходили ему в голову при чтении новостей из Парижа. Застав в последние месяцы своей жизни ключевое событие в истории XVIII в. — Французскую революцию, Дьяконов не успел, конечно, осознать его масштаба. Его корреспонденту же придется в конце жизни расхлебывать эту «кашу» и, увы, безуспешно: Воронцов умрет через две недели после сражения при Аустерлице.

\*\*\*

Несмотря на свое вполне благополучное материальное положение, Дьяконов никогда не был женат; не было у него и законных детей. Примечательно поэтому, что если имя Дьяконова и упоминается исследователями, то только в связи с обстоятельствами рождения одного из крупнейших русских художников-романтиков, Ореста Адамовича Кипренского<sup>113</sup>. Местом рождения Кипренского была мыза Нежинская, и на этом основании в литературе уже издавна воспроизводятся указания на Дьяконова как на возможного биологического отца художника. Ни исключить, ни опровергнуть эту гипотезу невозможно: никаких документов, подтверждающих, что Кипренский — сын Дьяконова, в нашем распоряжении нет. Публикуемая переписка также не проливает света на этот вопрос, тем более что рождение мальчика приходится на 1782 г., а самое раннее из дошедших до нас писем Дьяконова — на 1783-й.

<sup>112</sup> Черкасов П.П. Екатерина II и крушение старого порядка во Франции (1789–1792) // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 4. М.: Наука, 2001. С. 76–77.

<sup>113</sup> В качестве первоисточника этой версии указывают на Н.Н. Врангеля, автора небольшого обзора выставки О.А. Кипренского в 1911 г. (Петрова Е.Н. Орест Кипренский в зеркале источников // Орест Кипренский. Переписка. Документы. Свидетельства современников / сост., вступ. ст., коммент. Я.В. Брука, Е.Н. Петровой. СПб.: Искусство, 1994. С. 19–20.) Однако при обращении к заметке Врангеля выяснилось, что в ней нет ни слова о происхождении художника (Врангель Н.Н. Выставка произведений О.А. Кипренского // Старые годы. 1911. Ноябрь. С. 40–42). В.М. Зименко говорит об отцовстве Дьяконова как об установленном факте, опираясь на написанную И.М. Степановым еще в 1930-е годы работу о Кипренском, хранящуюся в архиве Государственной Третьяковской галереи (см.: Зименко В.М. Орест Адамович Кипренский. 1782–1836. М.: Искусство, 1988. С. 21). Ознакомиться с диссертацией И.М. Степанова не удалось.

Определенно известно лишь, что Кипренский действительно появился на свет в Нежинской, принадлежавшей Дьяконову, и был крещен священником Спасо-Преображенского собора в Копорье Петром Васильевым как незаконнорожденный без указания родителей<sup>114</sup>. Легкость, с которой в одних документах (запись о крещении) он может быть показан как незаконнорожденный, а в других, предъявленных при поступлении в Академию художеств в 1788 г., уже как законный сын Адама Карпова (Швальбе), причем оба документа подписывает один и тот же священник Петр Васильев; легкость, с которой в свидетельстве о законнорожденности, подписанном тем же крестившим Ореста священником, год рождения 1782-й превращается в 1783-й<sup>115</sup>; полное игнорирование чиновниками того обстоятельства, что у законного сына Карпова (Швальбе) совсем иная, ни на что не похожая фамилия Кипрейский (Кипренским Орест стал уже в Академии<sup>116</sup>), — все это говорит об очень специфическом характере бюрократизации в Российской империи и возможностях

<sup>114</sup> Документы из Центрального государственного архива Санкт-Петербурга опубликованы в: Орест Кипренский. Переписка. Документы. Свидетельства современников. С. 200, 610 (неверно назван архив: РГИА вместо ЦГИА СПб.); впервые опубликовано с правильным указанием архива (ЛГИА, переименованный затем в ЦГИА СПб.) в: *Летопись жизни и творчества О. Кипренского // Орест Адамович Кипренский (1782–1836): к 200-летию со дня рождения. Живопись. Каталог. Л.: ГРМ, 1988. С. 13–15. Статус «дворовый человек» отца Кипренского, лютеранина Адама Швальбе, ни у кого не вызывал вопросов. Скорее всего, Швальбе был из немецких колонистов, но каким образом произошло его закрепощение, непонятно. Немецкие колонии существовали вокруг Санкт-Петербурга еще с 1760-х годов. Одна из шести колоний находилась близ Ямбурга, недалеко от Нежинской. Эти колонии называются «старыми петербургскими колониями», в отличие от основанных позже, при Александре I, «новых» (см.: *Немецкая колония в Стрельне под Санкт-Петербургом: Страницы истории XIX–XX веков / сост. М.В. Левицкая. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010. С. 9*). Радищев писал, что крестьяне Санкт-Петербургской губернии «суть двух родов: казенные и помещичьи; третьяго рода крестьяне суть колонисты» (цит. по: *Радищев А.Н. Описание Петербургской губернии // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 130*).*

<sup>115</sup> Орест Кипренский. Переписка. Документы. Свидетельства современников. С. 201, 611.

<sup>116</sup> Как полагает Е.Н. Петрова, Швальбе нигде не упоминает своего имени (как не упоминают его в своих свидетельствах ни Дьяконов, ни священник Васильев), чтобы не закреплять за мальчиком фамилию крепостного (дворового): *Петрова Е.Н. Указ. соч. С. 20*. Отдавая в Академию художеств сына Александра в 1800 г., он уже подписывается своим именем: «Adam Schwalbe», поскольку после смерти Дьяконова получил свободу согласно его обещанию (РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Д. 1509. Л. 21; о свободном состоянии Ореста и освобождении его родителей после смерти Дьяконова см. далее).

достаточно легко менять свой статус и маневрировать в рамках социальной и иных иерархий.

Историки искусства, писавшие биографии Кипренского, ничего не зная о самом Дьяконове, шли на поводу в этом вопросе за самим Кипренским — романтиком, окружавшим свое происхождение умолчаниями и легендами; вместе с тем, вероятно, и у самого художника также оставались вопросы о его происхождении. Это тем более облегчало ему создание своего «личного мифа» — мифа о «царском сыне», подброшенном в простую семью. Миф этот Кипренский культивировал с детства: он отделял себя от своей семьи (утверждал, что не имел никаких родственников, хотя у него был брат Александр, поступивший в Академию художеств в 1800 г., и три сестры, одной из которых, Анне, он всю жизнь помогал деньгами); подчеркивал свою романтическую фамилию, связанную якобы с Кипридой — богиней любви Афродитой (хотя не исключено, что изначально фамилия была связана с Копорьем); неоднократно менял свой возраст (последний раз в 1836 г.: собираясь жениться в Италии на юной девушке, он назвал священнику 46 лет вместо настоящих 54)<sup>117</sup>. Как бы то ни было, отцом своим художник считал Адама Швальбе и в набросках к его портрету пытался высчитать его возраст и год рождения<sup>118</sup>. Учитывая, что брак между Швальбе и крестьянкой Анной Гавриловой, матерью Кипренского (в факте которого никто не сомневается), был заключен 23 июля 1783 г., а мальчик родился 13 марта 1782 г., то Кипренский, кто бы ни был его настоящим отцом, считался незаконнорожденным. В метрической записи о браке родителей художника Дьяконов был поручителем, а крестьянка Гаврилова (мать Ореста) была показана отпущенной на волю<sup>119</sup>.

Исследовательница Е.Н. Петрова, размышляя об «отцовстве» Дьяконова, достаточно убедительно предполагает, что если бы он хотел

<sup>117</sup> О сознательной мифологизации своей биографии Кипренским см.: *Сарабьянов Д.В.* Орест Адамович Кипренский. Л.: Художник РСФСР, 1982. С. 12–13; этот подход подвергнут критике: *Е.Н. Петрова.* Указ. соч. С. 12, 21. О мифе как о неотъемлемом атрибуте художника-романтика: *Чайковская В.И.* «Личный миф» Ореста Кипренского // *Человек: иллюстрированный научно-популярный журнал.* 2016. № 5 (сентябрь-октябрь). С. 159–160.

<sup>118</sup> *Алексеева Т.А.* Исследования и находки. М.: Искусство, 1976. С. 53. Имеется в виду «Портрет отца», или «Потрет родителя моего» (ГРМ; повторение при участии неизвестного художника: ГТГ) (см.: *Клементьева Е.* Орест Кипренский. М.: ГТГ, 2016. С. 6).

<sup>119</sup> Свидетельство о браке Швальбе и Гавриловой из метрической книги опубликовано в: Орест Кипренский. Переписка. Документы. Свидетельства современников. С. 200, 610 (см. также примеч. 114 выше).

«загладить свою вину» в рождении Кипренского, то выдал бы свою крепостную замуж не через год с лишним после рождения ребенка, а раньше. Если же «Дьяконов любил Анну Гаврилову», то он мог бы и вовсе сам жениться на ней и дать мальчику свою фамилию<sup>120</sup>. Действительно, Анна была отпущена на волю перед самым замужеством (но затем опять стала крепостной, когда обвенчалась со Швальбе, человеком Дьяконова). Но была ли она свободна на момент рождения Ореста? В действительности жениться на крепостной дворянин не мог по закону (хотя были и исключения), как не мог он и дать свою фамилию ребенку, рожденному до брака<sup>121</sup>. Анализируя запись Кипренского в альбоме 1807 г. («Отцу и матери Аз по греху принесен за то, что не соглашалась бедная невеста-рабыня с ними с барами»), Петрова делает вывод о том, что никакого барина художник своим отцом не считал, но родился у матери тогда, когда она уже была невестой Швальбе<sup>122</sup>. При этом исследовательница небезосновательно полагает, что Кипренский, искавший равенства с аристократией, не умолчал бы о своем кровным родстве с помещиком, если бы таковое действительно имело место.

Намек на некоторые отношения, связывавшие Дьяконова с Кипренским, Петрова усматривает и в эпитафии на могиле Дьяконова на Лазаревском кладбище Санкт-Петербурга. В ней упоминаются некие «утесненные», которым покойный по своему человеколюбию был «помощником... по самую кончину». Таковыми вполне могут быть Анна Гаврилова, Орест и вся семья Швальбе. Петрова находит определенную логику в гипотетических поступках Дьяконова, но видит тут поведение не помещика, стремящегося скрыть свой грех, а доброго и просвещенного человека, чьи действия не вполне стандартны, но и не так уж и уникальны<sup>123</sup>. Как просвещенный человек, каким мы видим его в письмах к Воронцову, а также в его завещании (о чем речь пойдет далее), Дьяконов мог разглядеть талант крестьянского мальчика и, пользуясь своими

<sup>120</sup> Петрова Е.Н. Указ. соч. С. 16–17.

<sup>121</sup> Соборное уложение 1649 г. // ПСЗ РИ I. Т. I. № 1. С. 130 (Гл. XX. Ст. 80). Тем не менее на своей крепостной женился в 1780-е годы Петр Никитич Трубецкой — родной брат С.Н. Трубецкого, ссора с которым омрачила жизнь Дьяконова в 1782–1783 гг.

<sup>122</sup> Петрова Е.Н. Указ. соч. С. 18.

<sup>123</sup> Версия Е.Н. Петровой, что Анна была крепостной не Дьяконова, а чьей-то еще, а Алексей Степанович мог ее выкупить, в данном случае не очень убедительна потому, что в 1780-е годы происходило ровно обратное: Дьяконов активно избавлялся от «лишних» душ, по крайней мере мужского пола. См. об этом ниже.

связями в Петербурге, составить ему протекцию в Воспитательное училище Академии художеств. В ту же логику вписывается и подписанное им в 1788 г. свидетельство о том, что Адам Карпов сын Швальбе с женою будут вечно вольными после его смерти, а их дети, в числе которых и Орест Кипрейский, свободны с самого рождения. Это свидетельство было необходимо, поскольку крепостных в Воспитательное училище при Академии не принимали<sup>124</sup>. Во всяком случае, ни подтвердить, ни опровергнуть легенду о кровном родстве Дьяконова и Ореста Кипренского на этом основании невозможно.

Вне зависимости от того, был ли или не был Дьяконов биологическим отцом крупнейшего русского художника-романтика, косвенным свидетельством его участия в судьбе ребенка может быть уже само полученное мальчиком необычное имя. Будучи вполне православным, оно тем не менее прежде всего ассоциируется с героем древнегреческих трагедий — сыном Агамемнона и Клитемнестры, братом Ифигении и Электры. Примечательно, что среди книг, записанных в 1755 г. в журнале библиотеки Академии наук за «благодетелем» Дьяконова Сумароковым, числится и «Théâtre des Grecs» («Греческий театр») — многотомное издание, содержащее все дошедшие до нас трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида в переводе с древнегреческого, выполненном профессором риторики и математики, иезуитом Пьером Брюмуа (1688–1742)<sup>125</sup>. Среди прочего в этом издании были опубликованы и трагедии «орестова цикла». Сюжеты этого цикла активно разрабатывались в драматургии XVIII в., причем в 1750 г. посвященная Оресту трагедия вышла из-под пера самого Вольтера<sup>126</sup>. Наибольшей популярностью среди сюжетов этого цикла у европейских композиторов XVIII в. пользовалась история Ифигении, сестры Ореста. В придворном театре Зимнего дворца оперу на этот сюжет (композитор Франческо Арайа, либретто Джузеппе Бонекки, основанное на пьесе М. Леклерка в соавторстве с Ж. Кора, 1675–1676)

<sup>124</sup> Орест Кипренский. Переписка. Документы. Свидетельства современников. С. 201–202. В самом завещании Дьяконова речи об освобождении кого бы то ни было из его крестьян не идет. Вероятно, это обещание было оформлено отдельно или же было дано устно.

<sup>125</sup> Запись под № 15: «Le Théâtre des Grecs. № 360–365». М. Левитт идентифицировал издание: [Brumoy P. Le Père]. Le Théâtre des Grecs, Par Le P. P. Brumoy, de la Compagnie de Jesus. 6 vols. Amsterdam: Aux dépens de la Compagnie, 1732. в работе: Левитт М. Указ. соч. С. 56–57. Переводы выполнены в основном прозой и лишь частично — стихами, содержат указания для актеров и постановщиков.

<sup>126</sup> Voltaire M. *Aroutet de. Oreste, tragédie*. Paris: Mercier et Lambert, 1750.

впервые играли силами итальянских актеров 16 августа 1758 г. В том же году Дьяконов отправился в действующую армию, но он вполне мог заставить репетиции этой оперы и получить доступ к ним как член столичного театрального сообщества. В последующие годы эта и другие оперы и пьесы на тот же сюжет неоднократно ставились в Санкт-Петербурге и Москве<sup>127</sup>. Не будет слишком большой натяжкой предположить, что вовлеченность Дьяконова в театральную жизнь 1750-х годов сыграла роль в выборе имени для крепостного мальчика, родившегося в Нежинской в 1782 г. Для Дьяконова, как мы увидим, этот сюжет мог показаться особенно значимым и в связи с тем, что одно из центральных мест в нем занимает тема преданной дружбы, прочно ассоциирующаяся в европейской культуре с историей Ореста и его друга Пилада, ради спасения которого Орест готов был готов пожертвовать собой<sup>128</sup>.

В силу отсутствия прямых наследников Дьяконов завещал Нежинскую мызу с деревнями и заложенные в банке крестьянские души своему свойственнику — так он обозначает этого человека — мужу сестры (о которой прежде он нигде не обмолвился ни словом) премьер-майору Григорию Ивановичу Жукову. Начав службу в 1765 г., Жуков служил поручиком в Тверском карабинерном полку (1771), затем ротмистром в Московском карабинерном полку, в 1776 г. в чине секунд-майора — в Ревельском гарнизонном полку, в 1777 г. — батальонным командиром в том же чине в нарвском гарнизоне. В начале 1790-х ему было около 48 лет. Как следует из записи в дворянской родословной книге Санкт-Петербургской губернии, его супруга была дочерью нотариуса

<sup>127</sup> Датировки постановок можно найти в работе: [Барсов Е.В.] Хроника русского театра Носова: с предисловием и новыми разысканиями о первой эпохе русского театра Е.В. Барсова. М.: Имп. ОИДР, 1883. С. 130, 141, 216, 268, 314–315. К сожалению, достоверность труда Носова, второстепенного актера петербургской труппы в 1820–1830-х годах, апеллировавшего к несохранившимся бумагам самого И.А. Дмитревского (ум. 1821), не слишком высока (см. об этом: *Старикова Л.М.* О Федоре Волкове: в поисках истины, 1729–1763. М.: ГЦТМ, 2013. С. 31–32). Тем не менее дата последней упомянутой постановки — 1768 г. — совпадает с той, что приводится в анонимном издании: *Драматической словарь, или Показания по алфавиту всех Российских театральныи сочинений и переводов.* М.: Типогр. А.А., 1787. С. 65–66), поэтому, учитывая возможные погрешности, мы все же оставим здесь сведения из «Хроники» Носова.

<sup>128</sup> «Дружество не может произвести больших движений на театре, исключая того случая, когда друг один отваживает жизнь свою за другаго, которой в опасности», — записал в эти годы М.Н. Муравьев (Чтения мои для трагедии. 1778 // ОР РНБ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 30. Л. 44).



и звали ее Елизаветой Григорьевной, поэтому приходится Дьяконову родной сестрой она никак не могла<sup>129</sup>. Возможно, именно благодаря такому неожиданно всплывшему свойству гарнизонный офицер Жуков, находившийся к тому же в 1780-е годы в отставке (сведений о его службе в это время нет), сумел продвинуться в карьере: в 1791 г. он оказывается гофмейстером в Морском кадетском корпусе, главным директором которого был адмирал И.Л. Голенищев-Кутузов — нарвский приятель Дьяконова<sup>130</sup>. Впоследствии Жуков перестроил усадьбу в Нежинской — перенес ее на другой берег реки, оставив в старой части только хозяйственные постройки<sup>131</sup>.

## А.Р. Воронцов: эпизоды биографии

В отличие от безвестного отставного бригадира Дьяконова, его корреспондент Александр Романович Воронцов, казалось бы, хорошо известен историкам. Тем не менее при ближайшем рассмотрении видно, что в историографии фигура Воронцова находится несколько в тени его младшего

<sup>129</sup> Так согласно: *Дворянская родословная книга Санкт-Петербургской губернии*. Ч. 3. 1792–1795 // РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 450 (Благодарю за это указание А.М. Феофанова); «Известно и ведомо да будет каждому...». Т. 1. С. 828; *Генералы и штаб-офицеры русской регулярной армии. 1729–1796 гг.* Т. 1. С. 775. Если родство не было фикцией, то, возможно, супруга Жукова приходилась Дьяконову сводной сестрой по матери или двоюродной сестрой; именованная ее дочерью нотариуса, впрочем, вполне соотносится с тем, что Дьяконов значился сыном подьячего: служащий, обозначаемый согласно стандарту русской социальной номенклатуры подьячим, вполне мог выполнять функции нотариуса. См. примеры употребления: *Нотариус, нотариий, нотор* // СРЯ XVIII. Вып. 15: *Непечатый — Обломаться*. СПб.: Наука, 2005. С. 186.

<sup>130</sup> *Месяцеслов... 1777*. С. 212; *Месяцеслов... 1791*. С. 48; Жуков Григорий; Жуков Григорий Иванович // Степанов В.П. *Русское служилое дворянство*. С. 227.

<sup>131</sup> *Мурашова Н.В., Мыслина Л.П.* Указ. соч. С. 164. Утверждение авторов, что Г.И. Жуков купил эту усадьбу в 1810 г., таким образом, не основано на документах. Более близкую к настоящему положению вещей версию высказал В.М. Зименко, ссылавшийся на неопубликованную работу И.М. Степанова: Г.И. Жуков был якобы племянником Дьяконова, не имевшего собственной семьи (*Зименко В.М.* Указ. соч. С. 21). Мызу Нежинскую с девятью деревнями унаследовали от Г.И. Жукова его сыновья: флота лейтенант Павел и полковник Андрей Григорьевичи (племянники Дьяконова); в 1818 г. имение было разделено между братьями и их сестрами. Наследники в следующем поколении продали имение в 1860 г., а в 1877 г. в усадьбе произошел большой пожар, уничтоживший старый дом (см.: *Мурашова Н.В., Мыслина Л.П.* Указ. соч. С. 164–165).